

жает в своих религиозно-нравственных исканиях классовые интересы эксплуататоров и скатывается на позиции антисоциалистические, когда речь заходит об устранении частной собственности, к которому стремились марксисты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с.
2. Соловьев В. С. Собр. соч. Спб., «Просвещение», т. III.
3. Соловьев В. С. Собр. соч. Спб., «Общественная польза», т. IV.
4. Соловьев В. С. Собр. соч. Спб., «Общественная польза», т. VII.
5. Богословские труды. Изд. Моск. патриархии, сб. 4. 1968. 214 с.; «Журн. Моск. патриархии», 1973, № 1, 8.

А. А. МАМАЛУИ, канд. филос. наук, В. Г. ЛЕВЧУК

МОЛОДОЙ МАРКС И ГЕГЕЛЬ В ИХ ОТНОШЕНИИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

(К вопросу о классической политэкономии как теоретическом источнике материалистического понимания истории)

По мере того как исследование марксистской революции в мировоззрении все более глубоко и полно раскрывает исключительную роль в этом процессе материалистического понимания истории, яснее высвечивается принципиальная недостаточность сведения круга теоретических источников марксистской философии только лишь к немецкой классической философии. Все больше обнаруживается необходимость обращения к нефилософским предпосылкам генезиса философии марксизма. Особый интерес представляет обращение к классической политэкономии, критическое освоение и преодоление которой служило необходимым моментом создания и развития марксистской философии на всех этапах этого процесса.

Однако чтобы точнее определить ее роль в качестве теоретической предпосылки материалистического понимания истории, следует соответствующим образом оценить и отношение Гегеля к политической экономии. Ведь то, что ряд выдающихся завоеваний гегелевской философии, которые, следуя В. И. Ленину, можно оценить как зачатки исторического материализма [2, т. 29, с. 171], так или иначе связано с устойчивым интересом Гегеля к политической экономии — науке, делающей, по его словам, честь мысли, потому что в кишмя кишашем произволе и массе случайностей отыскивает их законы [3, с. 218].

В нашей литературе отношение Гегеля к политической экономии определяется знаменитым высказыванием К. Маркса в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»: «Гегель стоит на точке зрения современной политической экономии» [1, т. 42, с. 159]. В данной статье эта Марксова оценка являет-

ся предметом специальной интерпретации в связи с вопросом о становлении собственного интереса молодого Маркса к политической экономии. Само собой понятно, что уровень зрелости его критики политической экономии в определенной мере опосредствует и Марксову оценку отношения Гегеля к этой науке. К. Маркс отдал должное двум тесно взаимодействующим факторам, определившим его путь в науке, для систематического развития которой сделано больше всего и больше всех: во-первых, потребностям практики политической борьбы и, во-вторых, логике собственного идейного развития. Первый фактор — необходимость определиться как редактору «Рейнской газеты» относительно а) конкретных столкновений так называемых материальных интересов, за которыми по существу стоял институт собственности, б) так называемого «философского» социализма и коммунизма, отвергавшего частную собственность с позиций абстрактно понятых общечеловеческих принципов, — дал «первые толчки» Марксовым занятиям экономическими вопросами [1, т. 13, с. 6]. Однако эти «первые толчки» не привели непосредственно к политической экономии, а вызвали «критический разбор гегелевской философии права», в ходе которого К. Маркс установил, что «правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» [1, т. 13, с. 6; т. 16, с. 378—379; т. 21, с. 220].

Таким образом, не только чисто фактически или хронологически, но и содержательно, логически, обращение К. Маркса к политической экономии опосредствовано критикой гегелевской философии права. Тем не менее не последняя сама по себе, а именно открытие в процессе ее критического анализа первоначальной идеи материалистического понимания истории указало К. Марксу путь к политической экономии. С точки зрения логики творческой эволюции К. Маркса переход его к специальным занятиям политэкономической проблематикой оказывается прямым следствием начальной идеи первого великого открытия марксизма. И если учесть, что уяснение всемирно-исторической революционной роли пролетариата и окончательный переход К. Маркса на позиции пролетарского коммунизма зафиксированы в статьях «Немецко-французского ежегодника» (особенно явно в «К критике гегелевской философии права. Введение»), а первоначальное формулирование идеи материалистического понимания истории — в предшествующей им рукописи 1843 г. «К критике гегелевской философии права», то,

очевидно, можно принять следующее. Материалистическое понимание истории (уже в своей первоначальной идее) логически и исторически предвращает его сознательный переход к пролетарскому коммунизму и к критике буржуазной политической экономии. Открытие первоначальной идеи материалистического понимания истории осуществлено до самостоятельных специальных занятий К. Маркса политической экономией, и, стало быть, к критике буржуазной экономической теории он с самого начала обратился с позиций становящегося исторического материализма. Значит ли это, что исходная идея научного коммунизма была выработана совершенно безотносительно к экономическим занятиям К. Маркса и в своем первоначальном виде была лишена какого-либо экономического обоснования? Именно так тщится представить дело буржуазная и ревизионистская марксология.

Мы отметили определенное первенство материалистического понимания истории по отношению к другим составным частям марксизма в процессе его генезиса. Этот факт представляется совершенно естественным, если иметь в виду очевидную необходимость определенного опережения методологией остальных составляющих теории в процессе ее сознательной разработки. Но и ограничиться только этим нельзя.

Советский исследователь Н. И. Лапин обосновал предположение о двух этапах разработки Рукописи 1843 г. («К критике гегелевской философии права»), в промежутке между которыми К. Маркс занялся изучением работ по всемирной истории — «Крейцнахские тетради» [7, 1968 г., с. 176—178]. По существу это была первая попытка применить и одновременно проверить только что открытую и впервые сформулированную идею материалистического понимания истории на материале самой истории. В центре «Крейцнахских тетрадей» — анализ связи отношений собственности и политических учреждений, экономическая основа классовых интересов, роль экономических факторов в социальных конфликтах [см.: 11]. Отсюда следует вывод, что стипендиальная идея Марксова коммунизма о всемирно-исторической революционной миссии пролетариата является не просто логическим следствием материалистического понимания истории (в его первоначальной форме), но и закономерным результатом его первого сознательного применения в качестве метода к самой всемирной истории, в особенности конкретного изучения истории отношений собственности, т. е. историко-экономического исследования. Следовательно, первой формой экономического обоснования теории научного коммунизма служило его историко-экономическое обоснование. С другой стороны, последующее обращение К. Маркса к систематической критике буржуазной политической экономии предварено изучением всемирной истории, в первую очередь экономической.

Первый рейд К. Маркса в сферу всемирной истории с мето-

дологических позиций становящегося исторического материализма дал свои осязаемые плоды и в укреплении самих этих позиций, проявившейся в возросшем внимании к гражданскому обществу, которое не трудно зафиксировать во второй части Рукописи 1843 г., написанной после «Крейцнахских тетрадей». И все же гражданское общество изучается еще главным образом через отношение к политической сфере, а не внутри себя, т. е. исследование его как такового, само по себе еще не стало главной задачей [6, с. 190, 192, 196]. Тем не менее уже на первых страницах второй части «К критике гегелевской философии права» К. Маркс дважды высказывает определенное намерение осуществить такой анализ [1, т. 1, с. 311, 313]. И это — показатель очевидного переосмысления принципа критики гегелевской философии права в духе новой сознательно материалистической позиции. Ибо до сих пор критический анализ диктовался последовательностью первоисточника — «Философии права». А она, как известно, завершается отделом о государстве, служащим специальным предметом Марксова анализа. Поэтому намерение дать критику гегелевской концепции гражданского общества, заключенной в предшествующем отделе «Философии права», не может не быть свидетельством серьезного, если не коренного, изменения замысла К. Маркса.

Однако какие-нибудь следы реализации этого намерения в дошедшем до нас тексте Рукописи 1843 г. отсутствуют. Очень правдоподобно предположение Н. И. Лапина, что критический анализ гегелевской концепции гражданского общества «вообще не был проделан: вместо того чтобы подвергать критике *философское* учение о гражданском (экономическом строе) общества, Маркс предпочел проанализировать *экономические* теории» [7, с. 215]. Критический разбор гегелевской концепции гражданского общества нельзя было осуществить с сознательно материалистических позиций, не исследовав внутренние закономерности гражданского общества, а его исследование, с точки зрения его внутренних закономерностей нельзя было осуществить, находясь в рамках критики гегелевской философии права. И то и другое настоятельно требовало перехода от критики философии права Гегеля к критике буржуазной политической экономии и к разработке собственной политэкономической теории. Можно констатировать, что начало основательных занятий К. Маркса политической экономией относится ко времени подготовки им статей для «Немецко-французского ежегодника». Впервые опубликованные на языке оригинала в 1932 г. «*Oeconomische Studien (Exzerpt)*» [К. Marx, F. Engels. Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 3, Berlin, 1932] в какой-то части конспектов, выписок и извлечений отражают именно этот период [см.: 9; 12]. Если в статьях ежегодника и не представлены в полной мере результаты первого обращения К. Маркса к критике политической экономии, то тем не менее ясно, что они уже стоят за их глав-

ным выводом о пролетарской революции как орудии отрицания частнособственнического общества. Напомним, что в том же единственном выпуске ежегодника опубликованы гениальные энгельсовские «Наброски к критике политической экономии» — первая марксистская работа по политической экономии, в которой исследование осуществлено в свете материалистического понимания истории, первое публичное политэкономическое обоснование научного коммунизма [1, т. 19, с. 241]. Воистину марксизм с самого начала творение двух гениев — К. Маркса и Ф. Энгельса.

Влияние Ф. Энгельса, его «Набросков» следует отнести к числу факторов, сопутствующих началу интенсивных исследований К. Маркса в области политической экономии [см.: 10]. Это ощущается и в его работе над произведениями представителей буржуазной политэкономии (в пятой из девяти тетрадей экономических выписок, сделанных Марксом в Париже, — «Парижских тетрадях» — содержится конспект статьи Энгельса «Наброски к критике политической экономии», который некоторое время служил планом-введением к критическому анализу К. Марксом буржуазной политэкономии), и в процессе разработки политэкономического содержания «Экономическо-философских рукописей 1844 года». В последних К. Маркс по существу разделяет все основные положения энгельсовских «Набросков». Но здесь получил развитие и принципиально новый момент, являющийся результатом собственной переработки исходных положений буржуазной политэкономии, — категория отчужденного труда.

Итак, что же означало в устах Маркса 1844 года «стоять на точке зрения современной политической экономии»?

Как и Ф. Энгельс, который считал, что буржуазной политической экономии больше подходит название *частнохозяйственной* экономии, ибо она целиком и полностью политическая экономия частной собственности [см.: 1, т. 1, с. 546, 548], так и К. Маркс убежден, что «политическая экономия исходит из факта частной собственности. Объяснения ее она нам не дает» [1, т. 42, с. 86], т. е. она рассматривает частную собственность вне ее происхождения и, тем более, вне ее прехождения. Не подлежит сомнению, что «стоять на точке зрения современной политической экономии» в понимании К. Маркса и Ф. Энгельса прежде всего значило стоять на точке зрения частной собственности.

Гегель также целиком стоит на точке зрения «необходимости частной собственности» [3, с. 73]. Утверждая «абсолютное право человека на присвоение всех вещей» [3, с. 71], он рассматривает отношение собственности как истинное выражение предметности свободной воли во владении внешней вещью, как первое наличное бытие свободы. При этом им подчеркивается роль предметной деятельности. Обладание собственностью не есть лишь средство для удовлетворения потребности. Разумность собственности заключается в том, что «снимается голая субъ-

ективность личности» [3, с. 69]. Поэтому собственность есть «сама по себе существенная цель» [3, с. 72]. Человек как личность обретает реальность путем деятельного преодоления тех ограничений, которые накладывает противостоящая ему внешняя преднайдённая природа. Чтобы сделать действительной свою волю, он должен взять во владение эту природу как свою частную собственность. Но для этого недостаточно внутреннего представления, что нечто есть мое, а требуется еще внешнее деяние, действительное (физическое, телесное) овладение. Так как в собственности устраняется субъективность и становится объективной личная воля единичного человека, «то собственность получает характер *частной собственности*» [3, с. 72].

В этом гегелевском выведении «необходимости частной собственности» обнаруживаются те же основания, что и у буржуазных политэкономов. Противопоставляя буржуазное право свободной частной собственности на землю феодальному праву, Гегель выводит его из отношения человека к природе, тем самым придавая ему иллюзию истинности, вечности. Сведение же всей совокупности общественных экономических отношений к отношениям человека к природе — это основной порок буржуазной политической экономии. О буржуазном происхождении гегелевского обоснования частной собственности свидетельствует и полагание свободной правовой личности, единичного человека, из необходимости осуществления свободной воли которой выводится понятие частной собственности.

Вместе с тем благодаря введению и разработке категории отчужденного труда, которая кладется в основу объяснения исторических пределов существования частной собственности, «Экономическо-философские рукописи 1844 года» знаменуют значительное приближение К. Маркса к научному определению предмета политической экономии и соответственно развивают более конкретную характеристику предшествующей политэкономической мысли. Подлинный смысл и значение Марксовской категории отчужденного труда — в решительном преодолении антиисторизма буржуазной политической экономии и «некритического позитивизма» гегелевской философии. Это — крупный, хотя и не последний, шаг К. Маркса по пути к открытию конкретно-исторической общественной формы труда. Установление взаимосвязи исторически преходящей формы собственности (частной собственности) с исторически определенным трудом (отчужденным трудом), обнаружение тайны частной собственности: с одной стороны, она оказывается продуктом, следствием отчужденного труда, с другой — средством, реализацией его отчуждения [см.: 1, т. 42, с. 97], означало, во-первых, выявление общественно-исторической определенности отношения человека к природе в процессе труда, и, во-вторых, выделение объективного уровня отношений собственности, который независим

от их внешней правовой формы. Вот почему Марксова категория отчужденного труда ни в коем случае не есть плод наполнения гегелевской категории отчуждения пониманием труда политической экономией. Такое наполнение совершил не кто иной как сам Гегель. Точно так же как политическая экономия возводит в свой единственный принцип преходящую форму труда — отчужденный труд, он абсолютизирует отчуждение, отождествляя его в соответствии с логикой объективного идеализма с предметной деятельностью как таковой. Подобно тому как буржуазные политэкономы не выделяют категории отчужденного труда, ибо не отличают его от труда как такового и, стало быть, выдавая первый за второй, замалчивают отчуждение в самой сущности труда в современном им обществе, Гегель не видит отчужденного труда, ибо для него весь труд — целиком отчужденная форма в силу приписывания им всякому опредмечиванию вечного проклятия отчуждения.

В этом свете и представляется необходимым оценивать меру проникновения Гегеля в сущность труда и его роль в процессе самопорождения человека. Величие его К. Маркс усматривает в том, что он «ухватывает сущность *труда* и понимает предметного человека, истинного, потому что действительного, как результат его *собственного труда*» [1, т. 42, с. 159]. Гегель вводит труд в сферу рассмотрения сущностной формы самоутверждения человека и тем самым превращает его в объект философского изучения, опираясь при этом на важнейшие результаты политэкономической мысли. У него политическая экономия получила широкий доступ в философскую теорию и прежде всего через проблематику труда. В этом отношении Гегель, бесспорно, был прямым предшественником К. Маркса [см.: 5, с. 29]. Однако из этого крайне ошибочно заключать, что именно Гегелю принадлежит заслуга определения трудовой сущности человека. Было бы в высшей степени несправедливым отдавать первенство этой великой материалистической идеи системе объективного идеализма. Ведь вовлечение трудовой деятельности в сферу философского рассмотрения Гегелем является не отходом от последовательного проведения объективно-идеалистической линии, а напротив, ее непосредственным логическим выражением. Другое дело, конечно, что сама логика объективного идеализма в свое время и в определенных границах порождает орудия своего собственного отрицания. Не излишним подчеркнуть, что действительный труд для Гегеля вовсе не является сущностью человека как таковой. Человеческая сущность в чистом виде для него равнозначна самосознанию. Деятельное самоосуществление этой сущности происходит посредством труда как единства опредмечивания и распредмечивания. Именно в этом пункте сущность человека Гегелем *связывается* с трудом. Самосознание нуждается в труде как средстве самореализации. Труд поэтому предстает как опредмечивание и распредмечивание чело-

веческой сущности. Определенное есть труд отчуждения самосознания в свое инобытие — предметность. Определенное выступает в качестве первого отрицательного самоопределения человеческой сущности (самосознания), его первого отрицания. Оно должно быть снято распределением, которое понимается как преодоление отчуждения в предметности и возвращение самосознания к самому себе путем устранения предметности как таковой. Поэтому К. Маркс и говорит, что «Гегель знает и признает только один вид труда, именно *абстрактно-духовный труд*» [1, т. 42, с. 159]. Ему, разумеется, лучше, чем кому бы то другому было известно, что Гегель был не только прекрасно осведомлен относительно великого разнообразия видов человеческой деятельности (труда), но и сделал первую грандиозную попытку их исторической систематизации, однако лишь в соответствии с особенностями воплощения в них человеческого мышления, т. е. «только в их мысленной форме», «в пределах самой мыслительской призмы вовлечения различных видов человеческой деятельности в лоно философского рассмотрения действительный, материальный труд, предметная деятельность вообще остается у Гегеля всего лишь исчезающим и преодолеваемым моментом абстрактно-духовной деятельности человеческого самосознания как подлинной и истинной сущности человека. отождествление определения с отчуждением, а распределения — с упразднением самой предметности, превращает все это отрицание отрицания в утверждение отчуждения человека от предметного мира. Истинно человеческой жизнью оказывается отчужденная жизнь. Подлинно человеческим бытием обнаруживает себя бытие отчуждения. «Снятие отчуждения становится утверждением отчуждения» [1, т. 42, с. 169]. В этом К. Маркс прозорливо усмотрел «собранные воедино все иллюзии спекуляции», «корень ложного позитивизма», «ложь самого принципа» гегелевской философии [1, т. 42, с. 166].

Итак, сущность труда, по К. Марксу, Гегель ухватывает тем, что «рассматривает определение как распределение, как отчуждение и снятие отчуждения» [1, т. 42, с. 159]. Какой, следовательно, труд фактически имеется здесь ввиду: всякий труд или отчужденный труд? отождествляя определение с отчуждением, а распределение со снятием этого отчуждения, Гегель все время остается в рамках отчужденного труда, некритически представляя его сущностью человеческого труда вообще. Поскольку отчужденный труд все же есть форма человеческого труда, постольку последнему удастся проникнуть в сферу гегелевского философского рассмотрения сущности человека, однако только в форме отчуждения. Гегель видит, что труд полагает, утверждает человеческую сущность в форме отчуждения, но не видит, что труд есть и сила отрицания отчужденной формы человеческой сущности подлинного отрицания определения в фор-

ме отчуждения и распредмечивания в форме обеспредмечивания. «Он видит только положительную сторону труда, но не отрицательную» [1, т. 42, с. 159]. Отчуждение для него так и осталось лишь отчуждением самосознания, а не действительным отчуждением действительного человека. Отчуждение самосознания не рассматривается им «как отражающееся в знании и мышлении выражение *действительного* отчуждения человеческой сущности» [1, с. 42, с. 160]. В свете сказанного становится понятным совпадение Марксовых оценок, с одной стороны, буржуазной политической экономии как науки, которая вместо законов трудовой деятельности на самом деле «сформулировала лишь законы отчужденного труда» [1, т. 42, с. 97], с другой стороны, Гегеля — как философа, который «нашел лишь *абстрактное, логическое, спекулятивное* выражение для такой истории, которая не есть еще *действительная* история человека как уже предположенного субъекта, а есть только *акт порождения, история возникновения* человека» [1, т. 42, с. 155].

Марксово утверждение: «Гегель стоит на точке зрения современной политической экономии» нельзя списывать за счет «молодости» автора. Предполагая полное признание того влияния, которое оказало на Гегеля усвоение им определенных достижений, а также органических слабостей, современной ему политической экономии, оно, безусловно, сохраняет свое значение и с позиций зрелого марксизма. Не приходится отрицать, что английская политическая экономия служила важным фактором становления и развития гегелевской философии. Тем не менее данная Марксом оценка вовсе не *обязывает* думать, что Гегель *во всех отношениях поднялся на уровень* современной политической экономии. Необходимо учесть, что во время написания «Экономическо-философских рукописей 1844 года» К. Маркс еще не установил различия между классической и вульгарной политической экономией, как и не оценил по достоинству теории трудовой стоимости Смита и Рикардо [см.: 4; 9; 13]. Но это значит, что в 1844 г. он еще не обладал достаточно точным и полным критерием оценки отношения Гегеля к политической экономии, в особенности если иметь в виду степень усвоения им ее высших достижений, связанных, как это будет несколько позднее показано К. Марксом, с теорией трудовой стоимости. Анализ соответствующих текстов «Иенской реальной философии», «Феноменологии духа» и, наконец, «Философии права» подтверждает, что нет оснований говорить о достаточно определенном отличии Гегелем стоимости от потребительной стоимости вообще как способности произведенной трудом вещи удовлетворять какую-либо человеческую потребность. В этом смысле можно понять аргументы Э. Соловьева, доказывавшего в полемике с Г. Лукачем, что Гегель не разделял теории трудовой стоимости [см.: 8; 14]. Следует заметить, что и у А. Смита, на которого, по всей видимости, больше всего опирался Гегель, взгляды

на трудовую сущность стоимости отнюдь не выражен с необходимой теоретической чистотой [см.: 1, т. 20, с. 242]. Очевидно Гегель не только не выделил более определенно научный элемент в теории Смита, но и, усвоив ее содержание в некотором роде суммарно, в ряде случаев усугубил ее вульгарный элемент. Вообще Гегель интересен не достигнутым собственно в политической экономии, а тем, что и как он использовал в ней для развития философии.

Нет никакого смысла ставить в вину Гегелю то, что ему оказалась не по плечу задача, которую разрешил только К. Маркс,— задача критического преодоления буржуазной политической экономии. Но имеет большой смысл выяснить, в такой мере выдвижение этой задачи и до каких пределов ее решение было возможно осуществить в процессе критического размежевания с гегелевской философией. Тот факт, что Гегель действительно стоял на точке зрения современной политической экономии, служил важной теоретической предпосылкой, обеспечивающей саму возможность (с идейно-теоретической стороны) открытия первоначальной идеи материалистического понимания истории в процессе критики гегелевской философии права. Это значит, что на самых первых порах предшествующая политическая экономия сослужила свою службу теоретического источника зарождения материалистического понимания истории не непосредственно, а через философию Гегеля, в той мере, в какой она им была аккумулирована. Но уже благодаря открытию исходной идеи материалистического понимания истории стала очевидной необходимость критического обращения к политэкономической науке как самостоятельному источнику дальнейшего становления и развития собственной теории К. Маркса. В Рукописи 1844 г. критика политической экономии уже выдвинулась в качестве самостоятельного теоретического фактора становления материалистического понимания истории, но в полной мере он проявит себя лишь в будущем, во-первых, как фактор становления адекватной категориальной структуры материалистического понимания истории, и во-вторых, как фактор превращения его из гениальной гипотезы в систематическую научную теорию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1, 13, 16, 19, 20, 21, 42.
2. Ленин В. И. Философские тетради. — Полн. собр. соч. Т. 29. 620 с.
3. Гегель. Соч. Т. VII. М.—Л., 1934.
4. Багатурян Г. А., Выгодский В. С. Экономическое наследие Карла Маркса. М., «Мысль», 1976. 325 с.
5. Безчеревных Э. В. Проблема практики в процессе формирования марксизма. М., «Высшая школа», 1972. 144 с.
6. Вазюлин В. А. Становление метода научного исследования К. Маркса. М., «Мысль», 1975. 222 с.
7. Лапин Н. И. Молодой Маркс. М., Политиздат, 1968. 376 с.; Политиздат, 1976. 415 с.

8. Лукач Г. Экономические взгляды Гегеля в иенский период. — «Вопросы философии», 1956, № 5, с. 151—162.
9. Малыш А. И. Формирование марксистской политической экономии. М., Политиздат, 1966. 351 с.
10. Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни. М., Политиздат, 1957. 412 с.
11. Мосолов В. Г. Изучение К. Марксом всемирной истории в 1843—1844 гг. как один из источников формирования материалистического понимания истории. — В кн.: Маркс — историк, М., «Наука», 1968, с. 85—106.
12. Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. М., «Мысль», 1974. 572 с.
13. Розенберг Д. И. Очерки развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века. М., Госполитиздат, 1954. 326 с.
14. Соловьев Э. Ю. Разделял ли Гегель трудовую теорию стоимости? — «Вопросы философии», 1959, № 3, с. 114—124.

А. Д. НЕСТЕРЕНКО

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИРОДЫ УБЕЖДЕНИЙ

В решениях XXV съезда КПСС получила дальнейшее развитие вытекающая из марксистско-ленинской теории задача всестороннего развития личности советского человека и формирования ее убеждений как составной части коммунистического воспитания.

Убеждение является тем ядром индивидуального сознания, вокруг которого формируется и развивается духовное содержание личности социалистического типа. Оно «пронизывает» все стороны индивидуального сознания, придает ему своеобразный идеологический колорит, определяет его социальную направленность. Убеждение является выражением цельного мировоззрения личности, ее активной жизненной позиции, способствует утверждению сознательного отношения к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения. Проблема убеждения волнует представителей различных наук. В философских работах, вышедших в последнее время, рассматриваются различные стороны и условия формирования духовного мира личности социалистического общества. Однако пока еще нет единства по таким вопросам, как природа убеждений, их сущность, содержание и т. д.

Исходной методологической позицией при анализе природы убеждения является марксистско-ленинская теория отражения, которая исходит из признания активного характера человеческого сознания, из того, что явления действительности надо не только объяснить, но и преобразовывать в своих интересах на основе полученного знания. «... Мир не удовлетворяет человека, — писал В. И. Ленин, — и человек своим действием решает изменить его» [3, т. 29, с. 195].

Убеждение представляет собой определенную форму отражения действительности и как таковое всегда в себе содержит определенное знание. «Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, это — знание», — указывал

К. Маркс [1, с. 633]. Но приобретенное в ходе практической и теоретической деятельности знание, выступая в качестве основы убеждения, еще не является убеждением. Их нельзя отождествлять, как это иногда допускается в литературе и в практике идеологической работы. Знания и убеждения соотносятся друг с другом как часть и целое. Как формы отражения действительности они имеют много общего. Однако по своему содержанию, закономерностям формирования и способу выхода в человеческую практику они отличны друг от друга. О нетождественности знаний и убеждений неоднократно указывали классики марксизма-ленинизма. «Если бы только изучение коммунизма, — говорил В. И. Ленин, — заключалось в усвоении того, что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах, то тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков или хвастунов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб, так как эти люди... оказались бы не умеющими соединить все эти знания и не сумели бы действовать так, как того действительно коммунизм требует» [3, т. 41, с. 302]. Знание, как непосредственный результат познавательного процесса человека, отражает лишь уровень познания им свойств, качеств, сущности явлений объективного мира. В знаниях не выражается в полной мере отношение личности к явлениям внешнего мира. А отношение уже есть форма оценки, принятия или непринятия знания. «Всякое отношение, — замечал С. Л. Рубинштейн, — психологически выступает в форме чувства, или стремления, или идеологически оценочного суждения» [4, с. 270]. Критерием в оценке личности тех или иных знаний, а, следовательно, и явлений в них отражаемых является соответствие или несоответствие их потребностям и интересам личности, которые всегда носят в системе ее жизнедеятельности первичный характер. Знания превращаются в убеждения именно тогда, когда они согласуются с коренными материальными и духовными потребностями личности. Связующим звеном между ними выступают чувства.

Чувства человека — это его личный отклик на окружающую действительность. Они стоят ближе к субъекту и поэтому наиболее глубоко раскрывают его духовный мир. «Ничто — ни слова, ни мысли, ни даже поступки наши не выражают так ясно и верно нас самих и наши отношения к миру, как наши чувствования; в них слышен характер не отдельной мысли, не отдельного решения, а всего содержания души нашей и ее строя», — подчеркивал К. Д. Ушинский [6, с. 117—118]. Чувства обогащают отражение объективной действительности, обостряют восприятие мира, способствуют более глубокому раскрытию его тайн. Будучи тесно связанными с потребностями и интересами личности, они становятся двигателями ее деятельности, регуляторами ее активности, способствуют подъему духовных и физических сил. «...Без «человеческих эмоций», — указывал В. И. Ленин, —

никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания истины*» [3, т. 25, с. 112]. Это глубокое положение относится не только к научным поискам, но и к выработке убеждения как специфического «искания истины». Помимо чисто логического усвоения знаний, человек испытывает определенные чувства по отношению к этим знаниям, без которых они не могут стать содержанием убеждений. Путь от знаний к убеждениям пролегает через усвоение и прочувствование, переживание их. Только в таком случае идеи становятся глубокими внутренними убеждениями, усваиваются не только умом, но и сердцем. «Идеи делаются святыми и нерушимыми не тогда, когда они запоминаются, — подчеркивал В. А. Сухомлинский, — а тогда, когда живут в живом трепете мысли и чувства, в созидании и поступках» [5, с. 201]. В убеждениях рациональное и эмоциональное находится в органическом единстве.

У духовно богатого человека чувства неразрывно связаны с его мышлением, знаниями, идейной направленностью. Научное мировоззрение, правильные идейные взгляды человека оказывают обратное влияние на его чувства и эмоциональные реакции, во многом определяют оценку им своих собственных чувств и характер их проявления.

Органическое единство знаний и чувств в структуре убеждений не дается в готовом виде. Оно формируется в процессе взаимодействия идей (знания) и чувства. Воспитывая чувства в определенном направлении, воспитатель добивается того, что идея, привносимая в сферу мышления человека извне, из духовной сферы другого человека, способствовала бы формированию уже имеющихся чувств. В свою очередь эмоциональное переживание идеи способствует тому, что она перестает восприниматься как нечто внешнее по отношению к строю мыслей человека. В этом двуедином процессе изменяется как мир идей, так и мир чувств, совершается их органическое слияние, составляющее одну из важнейших сторон процесса формирования убеждений.

Важнейшим компонентом, завершающим всю цепь взаимосвязи и взаимообусловленности знаний и чувств, является волевой элемент, т. е. субъективная готовность действовать в практических отношениях с внешним миром на основе знаний, принятых ранее личностью как истинные. Воля — это сознательная, устремленная активность человека, связанная с применением усилий для преодоления встречающихся трудностей. Волевые действия осуществляются в соответствии с заранее намеченной целью, с предварительным выбором путей и средств, ведущих к ее достижению. Сила и настойчивость, проявляемые в этих действиях, во многом зависят от знания путей и средств, ведущих к намеченной цели, уверенности в правильности избранного пути. Только в союзе с уверенностью знание становится убеждением. В связи с этим возникает проблема выяснения роли веры в процессе превращения знаний в убеждения. Вера бывает

двух родов — научная и религиозная. Некоторые авторы полагают, что религиозная вера не может быть убежденностью. Такое категорическое утверждение, на наш взгляд, не является правильным. Точнее было бы признать существование научных и антинаучных (ложных, иллюзорных) убеждений. Но отрицать, скажем, религиозные убеждения — значит противоречить фактам действительности. Нельзя отказать, например, в убежденности религиозному фанатику, истязавшему себя и идущему на любые лишения и даже смерть ради постижения «божественной истины».

Другое дело коммунистические убеждения, основанные на твердой уверенности, связанной с познанием объективных законов природы и общества, с необходимостью и свободой. Именно свободная деятельность личности при социализме является наиболее существенным проявлением ее коммунистической убежденности.

Таким образом, в структурном плане убеждения представляют собой органический сплав знаний, мыслей, чувств и воли человека, переплетающихся в сложном взаимодействии. Ведущим началом в последнем у советских людей является коммунистическая идеология, определяющая их сознательность и идейность. Коммунистические убеждения формируются по мере овладения личностью (на основе практической деятельности и жизненного опыта) марксистско-ленинским мировоззрением, научными знаниями, осознания общественных целей и интересов, воспитания нравственных чувств. Убеждения неотделимы от мировоззрения людей, их взглядов и общественных интересов. Они тесно связаны с их потребностями и интересами, со всей системой их отношений к действительности. И чем теснее эта связь, тем большей глубиной и прочностью будут отличаться их убеждения, представляя собой те «... узы, из которых, — по словам Маркса, — нельзя вырваться, не разорвав своего сердца» [2, с. 118]. Сформировавшиеся убеждения играют активизирующую роль в поведении личности. Во-первых, они, трансформируясь в субъективную цель деятельности, способствуют формированию программы деятельности и даже всей жизнедеятельности личности. Во-вторых, убеждения, становясь социальными установками личности, побуждают ее к различным формам организационной активности: участию в общественной жизни, приобретению профессии, повышению квалификации, изменению отношений с другими людьми и коллективом и т. д. В-третьих, превращаясь в волевой импульс личности, они ориентируют деятельность человека в направлении реализации конкретной цели или жизненной программы. В-четвертых, убеждение личности, являясь глубинным качеством личности, первостепенной социально-психологической ценностью для человека, чтобы быть не утраченным, не потерянным, требует внесения корректив в деятельность личности, согласования действий человека с реальной обстановкой,

с изменениями социальных условий. Высшей степенью проявления регулятивной функции убеждения является субъективно осознанный процесс разубеждения, процесс смены убеждений, что всегда болезненно и настороженно воспринимается самой личностью, свидетельствуя о принципиальной значимости, высокой ценности убеждения для человека.

Таким образом, во взаимосвязи всех компонентов убеждения господствует строгая последовательность, наиболее полно отражающая объективный социологический закон: в идеальном отражается материальное, но, преобразуясь в сознании людей, оно обратно через практическую деятельность влияет на породившее его материальное и преобразует его в нужном для человека направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. 642 с.
2. Маркс К. Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung». — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1, с. 114—118.
3. Ленин В. И. Рецензия. — Полн. собр. соч. Т. 25, с. 111—114: Философские тетради. — Полн. собр. соч. Т. 29, с. 3—620; Задачи союзов молодежи. — Полн. собр. соч. Т. 41, с. 298—318.
4. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., Изд-во АН СССР, 1957. 328 с.
5. Сухомлинский В. А. Рождение гражданина. М., 1971. 317 с.
6. Ушинский К. Д. Собр. соч. Т. 9. М., 1960. 480 с.

Е. А. ПОДМАЗКО

О СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Проблема социальной ответственности не нова, но по-прежнему остается актуальной. Это с особой силой было подчеркнуто на XXV съезде КПСС, который отметил возрастание роли ответственности в процессе коммунистического строительства [1, с. 51, 61].

Теоретические исследования последнего времени способствовали более глубокому изучению сущности и форм социальной ответственности, ее проявления в различных областях общественной жизни.

До недавнего времени исследования категории ответственности велись главным образом в следующих направлениях: изучение ответственности как категории этики и права; анализ содержания и форм социальной ответственности; выяснение взаимной связи категорий свободы, необходимости и ответственности; установление аксиологического аспекта ответственности; определение факторов, возможностей и инструментов формирования ответственности.

Совершенно очевидно, что вскрыть основы, специфику, инструменты и механизм формирования социальной ответственности невозможно без уяснения структуры явления в целом.

Выяснение структуры социальной ответственности, выделение ее основных частей и способов связей, элементов в системе необходимо как с точки зрения потребностей теории, так и практики коммунистического воспитания. Мы попытаемся решить три задачи: уточнить объем категории «социальная ответственность», выяснить основания для выделения ее составных элементов и, наконец, рассмотреть вопрос о доказательстве их необходимости и достаточности для функционирования этого сложноорганизованного системного объекта.

До последнего времени в литературе не существовало сколько-нибудь общепринятого подхода к проблеме структуры социальной ответственности. Серьезную попытку классифицировать ее виды предпринял ряд авторов, однако по этому вопросу до сих пор не выработана единая точка зрения. Так, например, если Н. А. Головкин, Х. Гроссман, С. Ф. Одуев различают моральную, политическую, юридическую, профессиональную и гражданскую формы социальной ответственности, то согласно точке зрения А. Ф. Плахотного из этих форм исключается гражданская ответственность и как особая форма вводится экономическая форма. По вопросу о соотношении социальной ответственности и ее отдельных видов мнения исследователей также разделяются. Абсолютное большинство трактует это явление как принципиально новое, интегральное, как сложноорганизованную систему, единое целое, несводимое к свойствам составляющих его элементов.

Отсутствие единства в классификации видов социальной ответственности объясняется различием подходов к ее основаниям. В качестве такого основания, как правило, избираются отдельные виды общественных отношений и способы обеспечения действия социальных норм. Отсюда в литературе бесспорным является выделение в качестве специфических и самостоятельных форм моральной, политической, юридической, профессиональной ответственности. Следует, однако, заметить, что при таком подходе нет четкого критерия для выделения видов и форм ответственности. Такой критерий может быть выработан при комплексном решении проблемы.

Системный, комплексный анализ позволяет представить социальную ответственность как организационную совокупность элементов. Критерий вычленения последних лежит в сфере целостных субъектно-объектных отношений. На это обстоятельство указывает А. Ф. Плахотный, характеризуя элементы структуры ответственности: «Каждый из этих 3-х элементов ответственности выступает как момент общественно-личного взаимодействия» [3, с. 64].

Это же имеет в виду А. И. Ореховский. У него выступает «коммуникативность как целесообразная связь личности и различных общностей, базирующихся на экономической структуре общества...» [2, с. 193].

При попытках выявить структуру ответственности предлагались различные модели ее построения. Оригинальна, например, трехуровневая модель, предлагаемая А. И. Ореховским. В ней предпринята попытка осмыслить явление ответственности через посредство категорий диалектики отдельное, особенное, общее. В качестве общего в ответственности он берет необходимое общественное отношение, в качестве особенного — ценностную ориентацию, отдельным выступает коммуникативность. Оригинальна и трехэлементная модель структуры социальной ответственности, предлагаемая А. Ф. Плахотным. Она представлена социально значимым поведением личности, свободой воли, мерами общественного воздействия на личность. И хотя оба эти подхода очень интересны и конструктивны, мы предлагаем для обсуждения еще один.

Дело в том, что при внимательном анализе первой концепции оказывается, что и ценностная ориентация и коммуникативность составляют группу элементов ответственности, лежащих на одном уровне. При анализе второй концепции обнаруживается, что различные виды ответственности, различающиеся степенью сложности, рассматриваются в конечном счете на двух уровнях — личной и общественной ответственности.

Заслуживает внимания решение данной проблемы А. П. Растигеевым, считающим, что «структура ответственности складывается постепенно в процессе деятельности личности в различных областях общественных, коллективных, групповых отношений...» [4, с. 63].

Существо подходов, предлагаемого нами, состоит в том, что в качестве оснований для выявления составных элементов структуры социальной ответственности должны быть взяты основные классы социальной деятельности, рассмотренные в плане соотношения категорий отдельного, особенного, общего и всеобщего, связанные с ними субъекты, объекты и уровни ответственности, на которых они познаются. Деление социальной деятельности на основные классы (индивидуальная, групповая, общественная, общечеловеческая) связано с ее субъектами. Каждый класс выступает соответственно как проявление отдельного, особенного, общего и всеобщего в человеческой деятельности и может быть рассмотрен в качестве основания классификации социальной ответственности.

Первое основание — индивидуальная деятельность, порождающая индивидуальную ответственность. Сознание ответственности здесь существует на уровне индивидуального сознания и выступает в качестве отдельного. Исходными и конечными задачами, составными частями формирования интеллектуального и эмоционального элементов социальной ответственности на этом уровне выступают ответственность за: преобразование, познание, ценностную ориентацию, общение.

На этом уровне, являющемся базисом всей системы социальной ответственности, каждый из четырех ее указанных видов формируется на фундаменте соответствующего вида индивидуальной человеческой деятельности. Такое понимание, в частности, согласуется с концепцией человеческой деятельности, развинутой М. С. Каганом.

В качестве второго основания служит групповая деятельность и ее следствие — групповая ответственность. Ее сознание существует на уровне общественной психологии и выступает как особенное. На этом уровне социальная ответственность представлена основными видами, соответствующими элементами социальной структуры общества.

Третье основание — общественная деятельность, осуществляемая элементами политической организации общества. Сознание ответственности здесь существует на уровне общественной идеологии, ответственность выступает как общее в социальной ответственности.

Можно сделать вывод о том, что при классификации видов социальной ответственности выбор одного признака, основания оказывается недостаточным, хотя может быть и необходимым. Это объясняется не только сложностью и многообразием различных сторон общественных отношений и деятельности, но и различием уровней, на которых социальная ответственность формируется и осмысливается субъектами деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. 256 с.
2. Ореховский А. И. О структуре категории ответственности. — В сб.: Проблемы категорий марксистско-ленинской этики. Новосибирск, 1969, с. 193—197.
3. Плахотный А. Ф. Свобода и ответственность. Изд-во Харьк. ун-та, 1972. 124 с.
4. Растигеев А. П. Социально-психологические основы ответственности. Дис. на соискание уч. степени канд. филос. наук. Л., 1972. 63 с.

Б. Я. ПУГАЧ

ПРИНЦИП НАБЛЮДАЕМОСТИ В ПОНИМАНИИ МАХА И ЭЙНШТЕЙНА

Принцип наблюдаемости в его предельно широкой формулировке как требование соответствия теории наблюдениям принимается классической физикой. Это прежде всего находит свое выражение в «Беседах» Г. Галилея. Чувственное наблюдение, указывает он, необходимо дополнить размышлением [3, с. 163], другими словами, наблюдения, наблюдаемые факты должны быть осмыслены и получить строгую форму научного рассуждения. Только теоретическое истолкование опытных фактов с

использованием принципа наблюдаемости и идеализированных экспериментов позволило ему установить основы механики движения. По мнению И. Ньютона, без опоры на наблюдаемые факты нельзя получить теоретических принципов, проникающих в сущность вещей. Вот как об этом он заявил в «Оптике»: «Мое намерение в этой книге — не объяснять свойства света гипотезами, но изложить и доказать их рассуждениями и опытами» [8, с. 13]. Считаю справедливым замечание И. С. Алексеева и А. А. Печенкина: «Существенно, что требуемая Ньютоном наблюдаемость не была непосредственно чувственной и включала, как и у Галилея, момент теоретического истолкования» [2, с. 455].

Иначе к этому принципу подошел Э. Мах, формулируя принцип непосредственной наблюдаемости. По Маху физическая теория не допускает величины, которые являются наблюдаемыми и их можно проверить на опыте. В противном случае им нет места в теории, как ненаблюдаемым. Задача Маха состоит в том, чтобы свести все в действительности к наблюдаемым фактам, так как *существует* (по Маху) только непосредственно наблюдаемое. Для него содержательный смысл имеют те понятия, которые однозначно соотносятся с непосредственно наблюдаемыми величинами, те, которым не может быть сопоставлен референт, лишены научного смысла. Речь идет о том, что *все* величины физической теории должны непосредственно получаться из опыта, а принцип непосредственной наблюдаемости является критерием содержательности понятий. Несостоятельность махистского взгляда на наблюдаемое заключается как раз в том, что махизм *абсолютизирует* непосредственную наблюдаемость, такая абсолютизация одной из сторон познания неизбежно ведет к идеализму.

Продолжением и логическим завершением принципа наблюдаемости в формулировке Маха является его же принцип «экономии мышления». Свое методологическое требование о необходимости определения понятий через наблюдаемые данные он доводит до выделения основных «элементов», которые непосредственно чувственно даны и лежат в основе всего познания, являясь как бы пределом эмпирического опыта. Признавая единственной реальностью ощущения, Мах стоит на позиции субъективного идеализма.

Чувственные данные нам не даны непосредственно. В этом-то и состоит главная ошибка позитивизма и субъективного идеализма. Они являются отражением объективной реальности, формируются на основе общественно-исторической практики и опосредуются мышлением и языком. Цель всех физических исследований эмпиризм Маха видит в установлении зависимости чувственных переживаний друг от друга. Средствами ее достижения являются понятия и теории научного знания. Физические понятия выступают как определенный род связи чувственных элементов и служат средством экономного выражения чувствен-

ного данного, а физическая наука «представляет собой экономически упорядоченный опыт» [5, с. 35]. Принцип экономии Маха приобретает, таким образом, характер всеобщей методологии науки, философского истолкования ее средств и понятий, которые, по его мнению, возникают из стремления к этой экономичности мышления, к наиболее простой передаче фактов посредством понятий.

Так как позитивизм исходит из предположения, что единственные непосредственно очевидные утверждения описывают непосредственные чувственные восприятия, то для Маха важна только связь наблюдаемого, данного нам. Поэтому махисты пытались превратить науку в «сжатое и экономное» изложение экспериментальных данных (чувственных восприятий) и объявили любые споры о действительной природе материального мира бесполезной метафизикой. Опосредованные теоретические утверждения не соответствуют чему-либо реальному и не имеют ничего общего с вопросом о существовании внешнего мира, а «все гипотетическое, метафизическое должно быть изгнано из науки» [4, с. 43]. В связи с этим он выступил против атомной теории, рассматривая ее как «вспомогательное средство временного характера», как вторжение в непосредственно не наблюдаемую область, стремясь к замене ее каким-нибудь естественным воззрением» [6, с. 411]. Мах утверждал, что физические понятия атома, массы, энергии — чисто логические конструкции и лишены какого-либо содержания, это условные символы, за которыми ничего нет. Безусловно, «экономнее» было бы считать, что атом есть нечто простое, а не сложное. Но физика доказала существование атома, раскрыла его строение, несмотря на то, что представление о делимом атоме гораздо менее «экономно», чем представление об атоме неделимом. В дальнейшем Мах весьма отрицательно отнесся к появлению теории относительности и поэтому так резко писал в 1913 г. в предисловии к «Принципам физической оптики»: «...я должен, конечно, отречься от того, будто я предвестник релятивистов, с той же решительностью, как я отказываюсь от современной атомистической веры. ...я отвергаю современную релятивистскую теорию, которая мне представляется все более и более догматичной» [10, с. 215].

Гносеологическую сущность махистского принципа экономии мышления глубокой критике подверг В. И. Ленин, видевший в нем одну из форм субъективно-идеалистической гносеологии, отрицающей существование объективной реальности. Он решительно выступил против попыток сведения физики к простому экономному изложению чувственного данного как единственной реальности и ставит перед махистами вопрос: «Экономнее» ли «мыслить» атом неделимым или состоящим из положительных и отрицательных электронов? «Экономнее» ли мыслить русскую буржуазную революцию проводимой либералами или проводи-

мой против либералов? Достаточно поставить вопрос, чтобы видеть нелепость, субъективизм применения *здесь* категории «экономия мышления». Мышление человека тогда «экономно», когда оно *правильно* отражает объективную истину, и критерием этой правильности служит практика, эксперимент, индустрия. Только при отрицании объективной реальности, т. е. при отрицании *основ* марксизма, можно всерьез говорить об экономии мышления в теории познания!» [1, с. 176].

М. Планк, выступивший с последовательной критикой махизма, утверждает, что физики, как и все естествоиспытатели, имеют дело не с произвольными конструкциями ума, а с реальностью, с объективной независимо от человека существующей природой, показывает невозможность ограничить науку рамками «экономии», видит несостоятельность принципа экономии мышления в том, что он лишен требования объективности научного исследования: «.. в качестве путеводной нити для физического исследования принцип экономии не приносит ни малейшей пользы... Поэтому физик, стоящий на страже интересов своей науки, должен быть реалистом, а не экономом, т. е. изучая смену явлений, он должен руководствоваться одной целью: отыскать в них все вечное, непреходящее, независимое от человеческих восприятий. Экономия мышления является для него при этом лишь средством, но не может служить конечной целью. Так было всегда и так будет вопреки Эрнсту Маху и его мнимой метафизике» [9, с. 149].

Действительная история познания не вкладывается в принцип непосредственной наблюдаемости и принцип экономии мышления Маха и они, таким образом, в лучшем случае ведут к описанию фактов, но не к объяснению их сущности.

Как этот принцип рассматривал А. Эйнштейн? Необходимо отметить, что он дал положительную оценку критике Махом ньютоновых абсолютных пространства и времени, «которые на опыте обнаружены быть не могут» [6, с. 191], как не отвечающие требованию наблюдаемости. Но если для Маха эти ненаблюдаемые объекты — логические утверждения, лишённые предметного содержания, то для Эйнштейна — это идеализация, с помощью которых строится теория. Когда теория начинает приходить в противоречие с новыми опытными данными, необходимо уточнить границы применимости фундаментальных идеализаций. Поэтому он преодолел узость методологического подхода Маха при разработке теории относительности и успешно использует принцип наблюдаемости по отношению к понятиям пространства и времени: «Пространство и время были лишены ... не своей реальности, а своей каузальной абсолютности» [11, т. 4, с. 87].

В основе философских взглядов А. Эйнштейна всегда лежала вера в объективное существование внешнего мира и возмож-

ность познания лежащих в его основе закономерностей. Его теория относительности строится не на «элементах-ощущениях», а на «объективном наблюдении», т. е. на материалистической основе. По справедливому замечанию Ш. Нордманна: «Для него наука — система, то есть логическим путем полученный синтез, а не просто *каталог* фактов, как думал Мах» [7, с. 30]. Эйнштейн настаивал на том, что наблюдаемость надо понимать как принципиальную, не смешивать ее с непосредственной наблюдаемостью Маха и считал, что теория должна позволять измерять не только прямо наблюдаемые величины, но и величины, наблюдаемые косвенно. Вместе с тем, он был против таких утверждений, которые по самой своей природе не могут быть подвергнуты экспериментальной проверке. На наш взгляд, принципиальная наблюдаемость дает возможность вскрыть сущность процессов, тогда как непосредственная наблюдаемость Маха дает явление и лишает науку ее объяснительной функции. Содержание принципа наблюдаемости в его материалистической интерпретации Эйнштейн направил против Маха, а значит, против позитивизма и идеализма. Эйнштейн утверждает, что позиция позитивистов, отрицающих реальность всего, что не поддается непосредственному измерению, ложна: он провозглашает объективность законов природы, независимых от наблюдателя и строит теорию, прямо противоположную всему, что делал Мах.

Распространение принципа наблюдаемости на область пространственно-временных отношений выразилось в необходимости четкого определения понятия одновременности разноместных событий. Несмотря на то что это понятие является фундаментальным, в классической физике оно считалось интуитивно ясным. Для Эйнштейна не существует понятий, которые должны приниматься априори новой теорией. Он был первым, понявшим необходимость операционального определения понятия одновременности. На основе мысленных экспериментов, с помощью измерительной процедуры и применения принципа наблюдаемости Эйнштейну удалось установить точный физический смысл понятия одновременности событий и показать, что «не следует придавать *абсолютного* значения понятию одновременности. Два события, одновременные при наблюдении из одной координатной системы, уже не воспринимаются как одновременные при рассмотрении из системы, движущейся относительно данной системы» [11, т. 1, с. 13]. Вводя определение одновременности, Эйнштейн подчеркивал, что, во-первых, каждое событие связывается с таким значением времени, которое принципиально наблюдаемо и, во-вторых, необходимо предъявлять к определению требование, чтобы в каждом реальном случае можно было опытным путем решить вопрос о справедливости введенного понятия. Затем он приступает к определению других понятий. В противоположность классической физике, в которой длина счита-

дась абсолютной, в теории относительности один и тот же объект имеет различную длину в разных системах отсчета. Она является величиной не абсолютной, а относительной и зависит от свойств пространства и времени. Можно заключить, что ряд понятий специальной теории относительности вводится посредством операционального определения, которые в силу выполнения требования принципа наблюдаемости не противоречат экспериментальным данным, физическим законом. Основные принципы новой теории обосновываются и эмпирически — с помощью принципа наблюдаемости и путем мысленных экспериментов. Эйнштейн расширил область распространения принципа относительности и показал, что он является универсальным принципом природы, охватывающим все явления, а не только механические.

Перед А. Эйнштейном стояла чрезвычайно трудная задача: создание новых принципов, понятий, которые отвечали бы этапу перехода к релятивистской механике. Чтобы выполнить эту программу, необходимо было преодолеть старые методологические принципы, установки, понятия, выйти за их пределы, охватить новой теорией более широкую предметную область, дать более глубокое, более полное знание об объективном мире. Принцип наблюдаемости в его материалистическом понимании как важное методологическое средство в работах Эйнштейна занимал одно из ведущих мест, был направлен против махизма, его использование вело к формированию новой теории, нового стиля научного мышления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч. Т. 18, с. 7—384.
2. Алексеев И. С., Печенкин А. А. Принцип наблюдаемости. — В кн.: Методологические принципы физики. М., 1975, с. 420—427.
3. Галилей Г. Избранные труды в двух томах. Т. 2. М., 1964. 571 с.
4. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М., 1908. 307 с.
5. Мах Э. Метод и цель научного исследования. Теория познания. М., 1901. 54 с.
6. Мах Э. Механика. Спб., 1909. 356 с.
7. Нордманн Ш. Эйнштейн в Париже. М., 1922. 123 с.
8. Ньютон И. Оптика. М.—Л., 1927. 368 с.
9. Планк М., Теория физического познания Эрнста Маха. — В кн.: Новые идеи в философии. Сб. 2. Спб., 1912. 176 с.
10. Холтон Д. Эйнштейн о физической реальности. — В кн.: Эйнштейновский сборник. 1969—1970. М., 1970, с. 407—413.
11. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 1. М., 1965. 700 с.; Т. 4. М., 1965. 599 с.

ПОЛЬ ЛАФАРГ О ДИАЛЕКТИКЕ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Интерес Лафарга к исследованию вопросов познания определился задачами идеологической борьбы конца XIX — начала XX века. После смерти Ф. Энгельса борьба за чистоту марксистской философии приобрела особо важное значение: именно с этого времени усиливается оппортунистическая ревизия марксизма, исходящая от «геростратовски знаменитых» (В. И. Ленин) «Предпосылок социализма» Э. Бернштейна. Написанные в этот период философские работы Лафарга («Материализм Маркса и идеализм Канта», «Экономический детерминизм Карла Маркса», «Проблема познания» и др.) были крупным вкладом в борьбу марксистов против ревизионизма.

В среде деятелей рабочего движения в Западной Европе Лафарг был одним из немногих, а в Рабочей партии Франции единственным, кто попытался ответить на поставленные естествознанием и философией вопросы, касающиеся познавательной стороны деятельности сущности человека. Французский марксист, однако, не ставил своей целью дать исчерпывающие ответы на вопросы, совокупность которых составляет марксистскую теорию познания, — при разработке «сути дела» (диалектики как теории познания) он не вышел за пределы той ограниченности, на которую указывал В. И. Ленин в связи с анализом методологических просчетов Г. В. Плеханова. Лафарг сосредоточивает свое внимание на критике агностицизма, на анализе его социально-классовых и гносеологических корней. Высокую оценку позиции французского марксиста в борьбе против кантианства дал В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» [см.: 2, с. 213].

В анализе гносеологических корней агностицизма выделяется критика Лафаргом метафизического отрыва чувственного от логического в познании. Идеалистический эмпиризм, получивший широкое распространение с середины XIX века, когда он выступил в качестве гносеологической основы позитивизма, рассматривал процесс познания сквозь призму эмпирического описания фактов и их систематизации. Свою задачу как защитника марксистской теории познания Лафарг усматривал прежде всего в доказательстве ограниченности исходных позиций эмпиризма, в утверждении диалектического взгляда на роль эмпиризма и рационализма в процессе познания, в защите основ материалистического сенсуализма и материалистической трактовки опыта.

Лафарг настойчиво подчеркивал, что все знания человека исходят из непосредственного или опосредствованного опыта, практики людей и что введение основоположниками марксизма

критерия практики в теорию познания позволило решить вопрос об историческом развитии чувственного и рационального, чем был разрешен спор между сенсуализмом Локка и Кондильяка, с одной стороны, и рационализмом Декарта, Лейбница и Канта — с другой. По Лафаргу, человеческие понятия (абстрактные идеи) «не существуют сами по себе и вне опыта. Они не предшествуют опыту, а следуют за ним» [5, с. 9]. Если сейчас не всегда можно определить момент возникновения какого-либо понятия, то отсюда не следует, что оно было однажды вызвано к жизни божественным провидением. Понятия были «приобретены опытом наших предков, от которых мы в длинном ряде поколений унаследовали такие богатые «природные способности», что некоторые идеи мы приобретаем, по-видимому, без всякого опыта, и потому они кажутся нам врожденными» [3, с. 193]. Это переключается с мыслями Энгельса о том, что индивидуальный опыт человека может быть до известной степени заменен результатами опыта ряда поколений, ассимилированных в формах языка и логического мышления.

Особое значение при разработке проблемы чувственного и логического в познании Лафарг придавал истории умственного развития дикаря и ребенка, у которых при неразвитости мыслительной способности ступень чувственного познания выступает в еще достаточно чистом виде без ее взаимодействия с абстрактной ступенью. Это позволяло ему вести достаточно обоснованную критику эмпиризма, в том числе и кантианства. Действительно, дикарь понимал природу в ее непосредственной данности и оперировал в своей примитивной деятельности лишь результатами индивидуального опыта, поскольку чистая чувственность не могла открыть для него в предметах свойств и отношений. Причину низкого уровня отражательной способности дикаря Лафарг усматривал в его ограниченной преобразовательной деятельности. С течением времени человек все более успешно воздействует на природу, меняется характер его познавательной способности, поскольку воздействия внешнего мира на его органы чувств преломляются уже через опыт, практику. Важнейшей стороной познавательной деятельности человека становится логическое, которое, однако, не снимает роли чувственной стороны: чувственное опосредуется мышлением. Из простого созерцания чувственное отражение превращается в познание.

По Лафаргу, единство чувственного и рационального выражается в сложном диалектическом взаимоотношении всех ступеней познавательного процесса. Свести понимание этого единства к простой «переработке» чувственных данных разумом (такой механизм устанавливает кантианцы) значит повторять старую «истину» о том, что лишь органы чувств человека способны дать ему достоверное знание.

Французский марксист подчеркивает, что человек познает свойства вещей именно посредством своих чувственных органов:

«Мы знаем свойства вещей по впечатлениям, производимым ими на нас: посредством чувственных впечатлений мы вступаем *сначала* (курсив наш. — А. Р.) в сношение с внешним миром, а в детстве они служат единственным способом познания вещей» [4, с. 318].

Но если бы человек в своей деятельности пользовался лишь данными чувственных впечатлений, то его познание «едва ли было бы более развито, чем у животных, чувства которых гораздо совершеннее, исключая чувства осязания, чрезвычайно развитого у человека благодаря употреблению руки» [4, с. 317—318]. Наука же, построенная на чувственных восприятиях субъекта, не имела бы объективного значения, поскольку бы изменялась «не только от индивидуума к индивидууму, но и с изменением в зависимости от возраста творцов этой науки» [4, с. 315]. Человек обладает способностью мыслить — воспроизводить, отражать вещи и явления объективного мира, их связи, закономерности их развития. Это не значит, подчеркивает Лафарг, что неистинность чувственных впечатлений перерабатывается в человеческой голове в достоверность посредством «чистого» разума: «Понятия чистого разума... необходимо должны быть ошибочными, раз чувства сообщают мозгу неточные сведения. Чистый разум, которому Кант приписывает полную достоверность, оказывается столь недостоверным, что его заключения необходимо нужно контролировать опытом...» [4, с. 315]. Следовательно, понятия «чистого» разума, как и «чистой» эмпирии, не могут быть критерием истинности. Не могут быть таковыми и общественное мнение, и здравый человеческий рассудок, выдвинутые в древности Пирроном и Сократом, а в новое время поддерживаемые философами вроде Т. Рида, ибо они происходят из восприятий, которые дают поверхностное и, следовательно, неполное знание. К тому же апелляция к коллективному восприятию в вопросах познания ложна еще и потому, что невежественное большинство всегда будет брать верх над открывателями истин и отвергать таковые, подобно тому как это произошло в свое время с фактом открытия вращения Земли.

Человек, движимый практическими нуждами, находится в постоянных столкновениях с явлениями естественной и искусственной (социальной) сред и вынужден познавать их, чтобы в последующей деятельности иметь возможность руководствоваться добытыми знаниями. Поэтому он не может довольствоваться лишь миром явлений (чувственного), он должен проникать в сущность вещей, исходя из принципа познаваемости «вещи в себе». Диалектический взгляд на проблему достоверности нашего познания как раз и позволяет определить основу, дающую возможность человеку добыть тот минимум знания, который обладает общезначимостью. При этом, замечает Лафарг, субъективные недостатки человеческих чувств не являются неодолимым препятствием по-

ложительному познанию, ибо в показаниях органов чувств объективное может быть отделено от субъективного в логическом анализе, опирающемся на активное воздействие на предмет исследования с помощью экспериментов, опытов, в конечном счете — практики¹. Причем опыт он понимает не как сугубо индивидуальный, но как результирующий из социальных взаимодействий процесс [см.: 4, с. 316]. В познании с каждым новым шагом вперед человек все глубже проникает в наиболее сложные области действительности. Оно приобретает все более научный характер по мере того, как раскрывает закономерности объективного мира и приобретает силу предвидения. Но «научное познание, — по Лафаргу, — идет вперед не по мере усовершенствования наших чувств, а по мере того, как методы использования чувствительности неодушевленной материи получают все большее распространение, а аппараты исследования и контроля умножаются и становятся чувствительнее» [4, с. 320]².

Вещи объективного мира находятся в постоянном становлении, они определяются «совпадением бесконечного ряда связей и сопровождающих обстоятельств» [4, с. 320—321]. Руководствуясь этим положением, Лафарг определяет свойство вещи, как присущую ей силу оказывать влияние на другие вещи, как на одушевленные, так и на неодушевленные. Отсюда он делает вывод: замена непосредственных ощущений человека «чувствительностью» материи принципиально меняет природу человеческого познания, ибо позволяет человеку проникать в те области действительности, которые он не может отражать непосредственно своими органами чувств. К тому же приборы гораздо точнее человеческих чувств фиксируют свойства вещей. На начальном

¹ Мы не можем согласиться с положением Х. Момджяна, согласно которому Лафарг якобы не всегда последовательно трактовал понятие практики и ее место в теории познания, сводя понятие практики к понятию научного эксперимента [см.: 6, с. 83]. Вслед за основоположниками марксизма Лафарг в практику как критерий истины включал всю деятельность общественного человека, т. е. трудовую деятельность общества и практику взаимоотношения и борьбы общественных классов. Эксперимент же, несомненно, он считал лишь одной из форм общественной практики. Так, в «Проблеме познания» Лафарг говорит о том, что познание человека растет в меру расширения его опыта, понимая под опытом производственную деятельность человека: человеческий род «должен был обладать более или менее выработанным, определенным минимумом познаний, чтобы приспособиться к естественным и социальным отношениям... Этот минимум должен был обладать общезначимостью, так как люди различнейших рас и стран вводили государственные и семейные отношения, формы собственности и способы производства, сходные между собою и происходившие один от другого» [4, с. 315—316].

² Приведенное положение Лафарга не должно вводить в заблуждение: французский марксист не говорит, что органы чувств человека не совершенствуются с момента введения приборов (под неодушевленной материей он в данном случае подразумевает научные приборы) в практику познания. Содержание чувственных восприятий человека, по Лафаргу, развивается, но относительно медленно, настолько медленно, что его эволюция уже не может удовлетворить современного познающего субъекта.

этапе своего развития человек судил о явлениях действительности по особенностям собственной природы и поэтому элемент субъективизма в общей сумме знаний был слишком велик. Наука постепенно углубляет объективность познания, приобретая все большую независимость от качеств субъекта. «Примитивное» познание, основывающееся на чувствах, стало быть, отходить в прошлое, и человек, заменяя чувства «чувствительностью» материи, приобретает все более точное, общезначимое познание действительности. Метод познания «через мертвую материю, не подверженную никаким заблуждениям и изменениям», отныне становится определяющим в познании. Наука теперь будет не только следовать за практикой, но и опережать ее. Беспредельно расширяя сферу эмпирического познания, она тем самым изменяет и природу человеческого познания. Вот почему сократовское «познай самого себя» Лафарг счел нужным дополнить — «при помощи неодоушевленной материи» [см.: 4, с. 319].

При всем этом, замечает он, познание никогда не достигнет своего совершенства не только потому, что несовершенны чувства человека и научные приборы, но и в силу несовершенства методов исследования.

В полном соответствии с диалектическим материализмом Лафарг рассматривал познание с помощью научных приборов лишь как расширение сферы действия чувственного познания и не больше. Нельзя согласиться с мнением некоторых исследователей, что он якобы преувеличивает роль приборов в процессе познания [см.: 6, с. 80—82]. Иное дело, что в «Проблеме познания» Лафарг делает значительный акцент на выяснении этого момента, и другие стороны познавательного процесса остаются как бы в тени. Но это уже диктовалось соображениями иного порядка: как известно, целью «Проблемы познания» явилась развернутая критика с позиций диалектического материализма агностицизма, отрицающего возможность научного познания.

На наш взгляд, неверно истолковывается в нашей литературе и следующее положение Лафарга: «При изучении вещи следует рассматривать ее, как неизменную, совершенно независимую от окружающей ее среды, и по очереди испытывать все ее свойства» [4, с. 321], — относя ее к уступкам метафизике¹. Лафарг в данном случае не выдвигает метафизический принцип, а разъясняет условия эксперимента, и такие условия вполне согласуются с принципами диалектического материализма: постановка научного эксперимента основывается на принципах

¹ По всей видимости, «зряшное» обвинение Лафарга в метафизичности является следствием того, что учение о всеобщей связи довольно основательно разработано в современной марксистской литературе, в то время как относительно изолированность в ее философском аспекте по существу не исследована и сейчас [см.: 7, с. 26], не говоря уже о 50-х годах, когда был вынесен «приговор» Лафаргу [см.: 6, с. 82—83].

альной возможности относительной изоляции в условиях всеобщей связи. В связи с этим К. Маркс писал: «Физик или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде» [1, с. 6]. Несомненно это понимал Лафарг.

Пропагандируя учение Маркса, Лафарг при исследовании общественных явлений всегда старался следовать диалектическому методу своего учителя — «наивысшей форме мышления», хотя в полной мере он не сумел понять и оценить диалектику как душу марксистской философии. Несмотря на это революционное чутье позволяло Лафаргу успешно вести борьбу со всеми враждебными пролетариату философскими течениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Капитал. — Маркс К, и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. 784 с.
2. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч. Т. 18, с. 7—384.
3. Лафарг П. Идеализм и материализм в объяснении истории. — Соч. Т. 3. М.—Л., 1931.
4. Лафарг П. Проблема познания. — Приложение к кн.: Экономический детерминизм Карла Маркса. М., 1928.
5. Лафарг П. Экономический детерминизм Карла Маркса. — Соч. Т. 3. М.—Л., 1931.
6. Момджян Х. Н. Лафарг и некоторые вопросы марксистской теории. Ереван, 1954.
7. Храмович М. А. Научный эксперимент, его место и роль в познании. Минск, 1972.

В. С. СТАРОВОИТ

О КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИССЛЕДОВАНИЮ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ НАУКОЙ И ИСКУССТВОМ

Вопрос о взаимосвязи науки и искусства является одним из наиболее актуальных в изучении современной культуры. Их взаимодействие проявляется гораздо отчетливее, чем в предшествующие эпохи общественного развития, что в значительной степени является следствием современной научно-технической революции. Эта проблема привлекает огромное внимание представителей как общественных и естественных наук, так и деятелей литературы и искусства, ей посвящен ряд исследований. Предметом широкого обсуждения эта проблема стала и в дискуссии, организованной редакцией журнала «Вопросы философии» [см.: 2, 1976, № 10, с. 100—126; № 12, с. 122—143], которая показала существование различных аспектов. Все участвующие в обсуждении совершенно правомерно обосновывают мысль о том, что несмотря на специфику, присущую и науке, и искусству, они едины как формы общественного сознания, направ-

ленные на познание объективной реальности. Однако общность науки и искусства не ограничивается тем, что им обоим присуща познавательная функция. И то, и другое есть и познание, и творчество. Они близки друг другу как формы творческой деятельности, что выдвигает насущную задачу разработки общей теории творчества, дающей возможность выявить механизмы, общие для творческого процесса в научной и художественной деятельности [5, с. 108—111; 10, с. 114—116], а также определить место и роль эстетических элементов и искусства в научном познании и науки в художественном освоении мира [7, с. 84—90; 9, с. 123].

Чрезвычайно важным является мировоззренческий аспект этой проблемы [3, с. 139—141], изучение роли художественной культуры в условиях современной научно-технической революции, специфика взаимовлияния науки и искусства в условиях социализма и капитализма, роль науки и искусства в современной массовой культуре [6, с. 120—123; 11, с. 100—105], в процессе формирования личности, как средств социального воспитания [4, с. 113—114; 11, с. 100—105]. Однако в постановке данной проблемы у большинства авторов не учитывается (или не обосновывается в достаточной степени) необходимость конкретно-исторического подхода к изучению характера взаимосвязей между наукой и искусством. Между тем на различных этапах общественного развития соотношение их видоизменяется: наблюдается либо тесная взаимосвязь между ними, взаимопроникновение элементов, свойственных научному и художественному мышлению, либо подчеркивание различий.

Наука и искусство формировались в процессе исторического развития общественно-практической деятельности людей. Художественный способ отражения действительности обусловлен материально-производственной и общественной деятельностью людей, хотя это чаще всего выступает в завуалированной форме. Развитие науки также исторически определяется потребностями производства. Взаимодействие между наукой и искусством, их взаимовлияние и взаимопроникновение не могут быть исследованы, если при этом не будут подвергаться анализу особенности материального производства и социальная структура общества, присущие той или иной общественно-экономической формации. Конкретно-исторический подход требует также учитывать влияние на развитие науки и искусства системы нравственных, политических, правовых и религиозных отношений и сознания, необходимо складывающихся в обществе. Таким образом, исследование взаимодействия между наукой и искусством научно может быть осуществлено лишь на основе конкретно-исторического подхода к изучению данных форм общественного сознания.

Для каждого типа культуры характерно материальное и духовное производство в определенных, исторически сложившихся формах. К. Маркс отмечал, например, что «... капиталистиче-

скому способу производства соответствует другой вид духовного производства, чем средневековому способу производства» [1, с. 279]. Внутри же весьма обширной области духовного производства складываются и отношения, и особенности отношений между такими его сторонами, как наука, искусство, религия, политика, нравственность.

На наш взгляд, совершенно правильно подчеркивает В. К. Кантор мысль о том, что взаимодействие науки и искусства «зависит от той социальной и культурной среды, внутри которой оно обсуждается и существует» [2, 1976, № 10, с. 118]. Споры о характере взаимоотношений между наукой и искусством, о преобладающей роли одной из этих двух областей духовной деятельности для человечества велись издавна, начиная с античности. Причем сами спорящие, отдавая предпочтение либо тому, либо другому, облекали свои доводы в форму, которая зависела от уровня развития науки и искусства, что, в свою очередь, опять-таки определялось исторически сложившимся типом культуры. Деятели культуры эпохи Просвещения выступали как убежденные сторонники глубокого единства науки и поэзии, но они настаивали на том, что поэзия должна пропагандировать достижения науки, почему и лучшие литературные произведения этой эпохи стремились выразить идею необходимости гармонического слияния науки и поэзии именно в этом плане. Примером в данном случае может служить научное и поэтическое творчество М. В. Ломоносова и А. Д. Кантемира, которые сами были и учеными, и просветителями, и поэтами. Их творчество для России XVIII века явилось своеобразной естественно-научной энциклопедией в поэтической форме.

Различные виды взаимодействия (взаимовлияние, взаимопроникновение, подчеркивание различий) между наукой и искусством выявляются в зависимости от гносеологического или социологического подхода к рассмотрению этой проблемы. Гносеологический аспект требует исследования соотношения между наукой и искусством как форм отражения ими действительности. Следовательно, на первый план должен быть выдвинут характер субъект-объектных отношений, который определяется уровнем развития практики, порождающей доминирующий тип как художественно-образного, так и понятийного мышления. В научно-художественной деятельности это находит свое выражение в сложившихся в ту или иную эпоху ведущих научных и художественных методах. Так, в условиях средневековой культуры, в которой почиталась авторитарность в любой жизненной области, а превыше всего ценился авторитет библии, науки развивались под эгидой теологии и подчинялись абстрактно-схоластическому методу. Конкретным примером этого могут служить западно-европейские исторические хроники XIV в. Культура средневековья нуждалась и в искусстве, отличном от искусства предшествовавшей античной эпохи. Его жанры и формы, попу-

лярные в античности, либо занимают второстепенные места, либо исчезают вовсе. Центральное место принадлежит уже не любимым античной публикой театру и скульптуре, выражающей общенно-прекрасный образ физически и духовно совершенного человека, а литургии и иконе. Иконописный лик с огромными, часто экстатически расширенными зрачками, доминирующими над всем изображением, и должен был выполнять основную функцию средневекового искусства — приобщать человека к христианским идеалам. Для литургического действия, занимающего одно из центральных мест в культуре средних веков, создается адекватная архитектурная форма (средневековый храм). На смену античному ораторскому искусству приходит христианская проповедь. Важную социальную функцию начинает выполнять житийная проза. Можно увидеть, что основной содержательной и эстетической функцией искусства является внушение человеку душевной настроенности, соответствующей господствующим религиозно-этическим идеалам. Так и в ранее упоминавшихся исторических хрониках XIV в. события рассматриваются не в контексте конкретно-исторических условий, а в нравственно-этическом плане. И художественно-образное, и понятийное мышление средних веков глубоко специфичны. Они сложились под воздействием культуры феодального общества, в которой ориентация на неизменность божественного миропорядка была тесно связана с особенностью средневекового мышления неукоснительно следовать традиционным образцам, что нашло выражение и в науке, и в искусстве этой эпохи [см.: 12, с. 142—156].

При социологическом подходе решающее значение приобретает система социальных отношений, конкретно-историческое взаимодействие политических, эстетических, нравственных, религиозных отношений и отражающих их форм общественного сознания. Этот аспект требует рассмотрения взаимодействия между наукой и искусством с точки зрения их роли и функций в общественной жизни, изучения различий или близости между ними в процессе их обратного воздействия на экономический базис и социальные отношения. Социальные функции науки и искусства, так или иначе понимаемые на каждом определенном этапе развития общества, всегда являются исторически конкретными и специфическими. Как правило, в искусстве, например, это проявляется в выдвижении на первый план какой-либо одной из его социальных функций. Так, философы-просветители основной функцией искусства считали просветительскую, или познавательную, а искусство классицизма, развивавшееся в эпоху возникновения и укрепления централизованных абсолютистских государств, в качестве таковой выдвигало воспитательную функцию (воспитание чувства долга). Причем, нужно учитывать, что понимание долга в эпоху классицизма имело исторически конкретное содержание. Представители официального классицизма в искусстве, который фактически был эстети-

ческим оправданием абсолютизма, основное внимание сосредоточивали на воспитании чувства долга по отношению к монарху.. Революционный классицизм художественно утверждал высокий гражданский и патриотический долг, однако общая ориентация классицистического искусства на прошлое, а не на современность, делали эти высокие гражданские идеалы абстрактными.

Только на основе конкретно-исторического подхода к изучению проблемы взаимодействия науки и искусства можно объяснить его особенности в условиях социализма и капитализма на современном этапе. Вследствие научно-технической революции стало возможным активное влияние научно-технического творчества на художественное, в котором наука не только становится объектом изображения, но влияет также на самый строй образного мышления. Достижения научно-технической революции послужили толчком не только к возникновению новых жанров (художественно-документального и научно-художественного в кино, литературе, театре), но и к обновлению и содержательной, и формальной сторон старых жанров и видов искусства. В традиционные гуманитарные области вторгаются новые математические методы исследования. На стыке точных и гуманитарных наук возникают новые дисциплины (искусствоведение). Под влиянием научно-технического прогресса развиваются все виды эстетического оформления окружающей человека среды (архитектура, техническая эстетика, промышленное искусство).

Однако современная научно-техническая революция не только не привела к новым формам взаимовлияния искусства и науки, но и очень остро поставила вопрос об их социальных функциях, который в середине 50-х годов нашего века стал предметом широкого обсуждения. Значительный импульс придала этому лекция Ч. П. Сноу, констатировавшая разрыв, даже антагонизм, сложившийся в буржуазном обществе в период современной научно-технической революции между представителями «научной» и «гуманитарной» культур [см.: 8]. В условиях капитализма действительно существуют основания для такого антагонизма, ибо культура буржуазного общества вырастает на основе частной собственности на средства производства и определяемых ею социальных отношений. Буржуазное искусство, несмотря на творчество целого ряда подлинно талантливых и прогрессивных художников, в своей основе не дает реалистического воспроизведения действительности. Развиваясь в современном буржуазном обществе, где происходит девальвация идеалов, обезличивание личности в мире господства техники и гигантских корпораций, отчуждение человека от истинно человеческой сущности, искусство неизбежно приобретает черты ущербности, бесчеловечности, изолированности от социальной жизни. Следует учитывать и тот факт, что при общей пестрой и сложной картине, которую представляют различные направления современного буржуазного искусства, определенная его часть открыто худо-

жественно оправдывает и защищает существующие социально-экономические капиталистические отношения. Естественные науки тяготеют к объективно правильному отражению действительности, хотя результаты научно-технического прогресса используются в интересах господствующего класса.

Различные буржуазные философские и эстетические концепции перспективы развития соотношения науки и искусства и их социальных функций трактуют по-разному, в духе технического оптимизма или пессимизма. В первом случае роль искусства как области духовной жизни сводится к функционированию той части массовой культуры, которая пропагандирует в качестве основных эстетических ценностей искусства его развлекательные жанры.

Среди выразителей так называемого технического пессимизма популярной является точка зрения, согласно которой в условиях современной научно-технической революции резко расширяются функции искусства, которому приписывается способность быть едва ли не единственным способом и познания, и мировоззрения. Признавая кризисное положение современной буржуазной культуры и в то же время не понимая истинных его причин, они выдвигают тезис о том, что единственным способом спасения от натиска бездушной техники является искусство, ибо только оно еще обладает настоящими нефальсифицированными ценностями, только в нем человек современного общества может найти возможности для сохранения своей индивидуальности, независимости, естественных, свежих и непосредственных чувств и свободы и таким образом спастись в какой-то степени от отчуждения. Искусству отводится роль утешителя отчужденного человека, т. е. оно должно стать своеобразной заменой религии. Такие перспективы развития взаимосвязи науки и искусства в конечном итоге не могут не привести к регрессу в искусстве, ибо развиваясь по такому пути, искусство неизбежно утратит присущие ему важнейшие социальные функции.

Социальную основу культуры социалистического общества составляют отношения, порождаемые общественной собственностью на средства производства, вследствие чего исчезают социально-экономические причины возникновения антагонизма между наукой и искусством как сторонами культуры, поскольку социалистическая культура становится достоянием всего народа. Углубление дифференциации и специализации внутри научной и художественной деятельности не является непреодолимым препятствием для их взаимодействия. Для строительства коммунистического общества необходимо не только развитие научно-технических отраслей знания, но и эстетической культуры общества, которая будет неполной и недостаточной без умения правильно ориентироваться в мире художественных ценностей, поскольку искусство является незаменимым звеном общения, образования и воспитания людей, а следовательно, и мощным

средством формирования их взглядов, убеждений, потребностей, вкусов — на их мировоззрение и миропонимание в целом, вследствие чего искусство оказывает активное влияние на деятельность людей. В условиях социализма научное и художественное освоение мира имеет общую цель — служить средством общественно-исторического прогресса на пути к коммунизму, гармонического развития личности.

Таким образом, взаимодействие науки и искусства опосредуется конкретными социально-историческими условиями на каждом определенном этапе развития общества. Развитие научно-технического прогресса в современную эпоху привело к возникновению принципиально различных типов взаимосвязей между наукой и искусством в социалистическом и капиталистическом обществах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Капитал. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. I.
2. «Вопросы философии».
3. Вьюницкий В. И. Связь науки и искусства и мировоззренческие проблемы. — «Вопросы философии», 1976, № 12, с. 139—141.
4. Кедров Б. М. Искусство и проблемы воспитания. — «Вопросы философии», 1976, № 10, с. 113—114.
5. Лифшиц И. М. Неповторимость человека. — «Вопросы философии», 1976, № 10, с. 108—111.
6. Молчанов В. В. Когда нарушено равновесие. — «Вопросы философии», 1976, № 10, с. 120—123.
7. Новикова Л. И. Эстетические элементы в структуре научной деятельности. — Художественное и научное творчество. Л., «Наука», 1972. 336 с.
8. Сноу Ч. П. Две культуры. М., «Прогресс», 1973. 140 с.
9. Фейнберг Е. Л. Роль интуиции. — «Вопросы философии», 1976, № 12, с. 122—125.
10. Шрейдер Ю. А. Стремление к новому синтезу. — «Вопросы философии», 1976, № 10, с. 114—116.
11. Фролов И. Т. Человек — центр взаимодействия науки и искусства в условиях научно-технической революции. — «Вопросы философии», 1976, № 10, с. 100—105.
12. Хлопин А. Д. О способах интерпретации причинно-следственных связей в хрониках XIV в. — В кн.: Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., «Наука», 1976. 315 с.

А. В. ТЯГЛО, И. З. ЦЕХМИСТРО, канд. филос. наук

К ПРОБЛЕМЕ ЦЕЛОСТНОСТИ В КВАНТОВОЙ ТЕОРИИ

Для современной квантовой теории характерен ряд трудностей развития, связанных в первую очередь с недостаточной логической упорядоченностью уже полученных результатов, отсутствием необходимого осмысления мозаики физических законов и фактов [10; 4, с. 8, 17]. В этой связи весьма актуален анализ достижений физики с позиций диалектического материализма — конструктивной методологической основы всего современного естествознания, ибо именно с его помощью как науки «о наиболее общих закономерностях движения» (Энгельс) возможно

решение проблем теории микромира на основе, может быть, совершенно оригинальных физических идей.

В этой работе мы продолжим рассмотрение одного из интересных физических явлений — обменного феномена (или так называемого *обменного взаимодействия*) [см.: 12]. Результаты данного анализа и их сравнение с полученными ранее при рассмотрении иных явлений [см.: 11] дают возможность выделить общую тенденцию развития методологии современных конкретно-физических теорий. Сущность этой тенденции заключается во все более настоятельном проявлении необходимости в отказе от чисто множественной трактовки свойства единства физических систем, дескрипции объективной реальности, что характерно для современных теоретических построений. Дескрипция — перечисление, описание. Мы, однако, используем здесь этот термин в несколько ином смысле, навеянном введением дескриптивного и диалектико-логического аспекта единства в множествах [13]. А именно, согласно дескриптивному аспекту единства физических систем предполагается, что системы состоят из *множества* обособленных элементов (частей), так что их единство достигается посредством того или иного вида *связывания* этих элементов в одну систему с помощью «веревки и сил», как иронизирует А. Д. Александров [3]. Диалектико-логический же аспект единства, существенный для понимания особого единства квантовых систем, состоит в полном отрицании и исключении множественной структуры системы, т. е. мы, так сказать, с самого начала должны рассматривать ее как *одно* и *целое*, вовсе не распадающееся на какие-либо множества элементов и в этом смысле не поддающееся дескрипции, дескриптивному описанию (с некоторой легковесностью можно сказать: система не распадается в конечном счете на множество элементов и потому в ней нечего перечислять и описывать; этим и обусловлена ограниченность дескриптивного подхода).

Необходимость отказа от последнего и, соответственно, учета целостных свойств объектов отражена как в математическом аппарате, так и в рамках интерпретационных гипотез рассматриваемых теорий. *Эти факты позволяют предположить тенденцию* перехода от чисто множественного описания единого к более полному, учитывающему и целостные свойства объективной реальности, *в качестве одной из методологических основ дальнейшего совершенствования всего квантовофизического описания.*

Теоретическую основу нашего исследования составляет диалектика категорий «единое» и «множественное» и использование ее при анализе конкретно-научных понятий и моделей. Обоснование корректности такого подхода определяется объективным содержанием самих категорий, так как «категории ... не пособие человека, а выражение закономерности и природы и человека...» [2, с. 83].

Особую важность в контексте статьи приобретает требование диалектики осуществлять в описании «...не только единство противоположностей, но *переходы каждого* определения, качества, черты, свойства в *каждое* другое (в свою противоположность?)» [2, с. 203]. Именно с этим требованием связано введение в соотношение дескриптивного и логического аспектов категории «единое» [14]. Наличие генетической связи этих аспектов как элемента их общей диалектической связи позволяет предположить и в реальном процессе становления частной теории (обменного феномена) этапы, определяемые последовательным утверждением онтологических и логико-математических референтов этих аспектов. Другими словами, мы выделяем дескриптивные модели, теории процесса, объекта как первый шаг его рационального познания. Выступая в качестве мощного концептуального инструмента, они ограничены в общности своего применения.

Более полными и общими являются теории, учитывающие и целостные свойства систем, особенно квантовых. Такие теории соответствуют логическому аспекту категории «единое». При этом «... не следует абсолютно противопоставлять множественное единому, а наоборот, нужно брать их соотносящимися друг с другом, гибкими, подвижными, взаимно проникающими. Причем отношение противоположности этих понятий не наносит ущерба их всеобщности и делает эту всеобщность более совершенной, способной воссоздать целостный образ реальности [14, с. 26]. Мы видим, что именно такое определение согласуется с общими требованиями диалектического рассмотрения.

Несмотря на более чем полувековую историю теории обменного взаимодействия, оно остается во многом для нас загадочным. Отраженный впервые в известном принципе запрета Паули (1925 г.) этот феномен нашел дальнейшее подтверждение и частичное объяснение как в эксперименте, так и в квантовой теории. Вместе с тем, реализуется, видимо, ситуация, когда, научившись с некоторой точностью описывать эффект, мы в значительной степени утрачиваем интерес к его принципиальному объяснению, апеллируя к знаменитому тезису — такова природа вещей¹. Сложившаяся ситуация не может служить основой даль-

¹ В этой связи характерно высказывание Р. Фейнмана о природе различия бозе- и ферми-частиц. Это различие определяет в рамках современных теорий характер обменного взаимодействия в системе. Поэтому приводимая выдержка существенна в контексте: «Интересно... отчего частицы с полудельным спином суть ферми-частицы, а частицы с целым спином суть бозе-частицы?.. Объяснение существует, его нашел Паули, основываясь на сложных доводах квантовой теории поля и теории относительности. Он показал, что эти факты с необходимостью связаны друг с другом, но мы не в состоянии найти способ воспроизвести его аргументы на элементарном уровне... По-видимому, это означает, что мы до конца не понимаем лежащего в его основе принципа. Будем считать его пока одним из законов Вселенной» (курсив наш.— А. Т., И. Ц.).

нейшего развития теории явления. Более того, возникают сомнения в объективности уже полученных результатов. Так, В. Г. Дашевский пишет: «... эффект перекрывания электронных оболочек и их деформации проявляется в обменных интегралах... Разумеется, обменной энергии не существует как таковой — она проявляется в расчетах по методу молекулярных орбиталей и валентных схем; следовательно, это понятие чисто условно» [7, с. 90]. В этой связи отметим следующее. Во-первых, сведение обменного феномена только к эффекту перекрывания электронных оболочек (атомов) и возникновению химической связи совершенно произвольно сужает область проявления этого феномена. В частности, именно в рамках теории обменного взаимодействия объясняется *само существование* электронных оболочек в атоме. Во-вторых, даже в рамках указанных теоретических схем понятие обменной энергии введено отнюдь не произвольно: оно вызвано необходимостью разумного согласования результатов теории и эксперимента, то есть необходимостью адекватного отражения действительности [8, с. 301]. Учет обменного феномена сверх классических межчастичных взаимодействий не может быть исключен в рамках любой дескриптивной теории квантовых систем, например методов Хартри—Фока [13], МО ЛКАО [7], геминалей [9].

Приведенные факты свидетельствуют о природе обменных эффектов как объективной реальности. Их физическое содержание уже выяснено в [12], где показано, что обменное взаимодействие есть следствие существования квантовых свойств системы как целой, единой, в конечном счете неразложимой на множество обособленных элементов¹. Именно как репрезентант *такого* свойства систем обменный феномен обладает несомненной объективностью. Поэтому понятие обменной энергии не может быть устранено из физического описания действительности, иначе как через обобщение в терминах более последовательных — в смысле учета целостных свойств систем — теорий. Предлагаемая выше трактовка обменного феномена как репрезентанта целостных свойств квантовых систем в рамках их дескриптивных теорий определяет принципиальное различие обменных эффектов и силовых взаимодействий. Не существует обменного *взаимодействия*, подобно классическим, наряду с ними, нет особой субстанции, поля как носителя обменного взаимодействия. Это явление заключается в эффективном изменении энергии элементов системы, рассчитанной в приближении дескрипции [5, с. 541—542; 8, с. 267—271; 13].

¹ Согласно одному из определений: «Обменная энергия является частью кулоновской энергии, возникающей из-за особой корреляции в движении электронов, обусловленной соответствующей симметрией (по отношению к перестановке пространственных координат, а не самих частиц) *координатных волновых функций*» (курсив наш. — А. Т., И. Ц.) [6, с. 344]. Но указанная симметрия волновой функции системы [12] является своеобразной фиксацией целостных свойств этой квантовой системы.

Ошибочна также интерпретация обменного взаимодействия как результата самостоятельного процесса обмена электронами их состояний [8, с. 543]. Физическая сущность этого заблуждения указана, в частности, А. С. Давыдовым уже в рамках дескриптивных моделей: «...легко видеть, что при учете *спиновых* состояний приведенные ... рассуждения оказываются неправильными» (курсив наш. — А. Т., И. Ц.) [6, с. 344].

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что введение понятия обменной энергии вызвано необходимостью учета существенных по величине целостных эффектов уже на современной стадии развития теории, существенно дескриптивной в своих исходных положениях. Поэтому обменный феномен объективен не как особое взаимодействие и не как процесс обмена состояний, но как отражение невозможности адекватного описания действительности на основе дескрипции единого, как отражение существования целостных свойств (квантовых) систем.

Идея целостности окружающего нас мира не нова в философии. «Мир представляет собой единую систему, т. е. связанное целое...», — отмечал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» [1, с. 630]. Поэтому и отражение этого единства в конкретных теориях не является принципиальной неожиданностью. Важно другое. В современной квантовой физике вскрываются в какой-то мере границы (относительной) корректности дескриптивного описания микромира; об этом свидетельствуют факты нашего рассмотрения. Дальнейшее развитие квантовой электродинамики, теории обменного феномена, а также по-видимому, и *всего* квантовофизического описания действительности возможно потребует более полного учета ее целостных свойств. В этом состоит основной вывод нашей работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20. 827 с.
2. Ленин В. И. Философские тетради. — Полн. собр. соч. Т. 29. 782 с.
3. Александров А. Д. О парадоксе Эйнштейна в квантовой механике. Докл. АН СССР. 1952, т. 84, № 2, с. 253—256.
4. Берестецкий В. Б. и др. Релятивистская квантовая теория. Ч. I. М., «Наука», 1968. 480 с.
5. Блохинцев Д. И. Основы квантовой механики. М., «Наука», 1976. 664 с.
6. Давыдов А. С. Квантовая механика. М., «Наука», 1973. 748 с.
7. Дашевский В. Г. Конформации органических молекул. М., «Химия», 1974. 432 с.
8. Ландау Л. Д., Лифшиц Е. М. Квантовая механика. М., «Наука», 1974. 702 с.
9. Ляст И. Ц. Метод геминалей. — В сб.: Физика молекул. Вып. 2. К., «Наук. думка», 1976, с. 41—61.
10. Панченко А. И. Философские перспективы современной квантовой теории. — «Вопросы философии», № 6, 1976, с. 149—156.
11. Тягло О. В., Цехмістро І. З. Відносно діалектики поглядів на природу ефіру. — «Вісник Харківського університету», № 143, 1976, с. 14—21.
12. Тягло О. В., Цехмістро І. З. Методологічна роль ідеї цілісності як вираження кінцевої нерозкладності системи на множини елементів на при-

- кладі аналізу обмінної взаємодії. — «Вісник Харківського університету», № 149, 1977, с. 34—42.
13. Физический энциклопедический словарь. Т. 3, М., «Сов. энциклопедия», 1963, с. 624.
 14. Цехмистро В. З. Категории множественное и единое. Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филос. наук, К., 1975. 27 с.
 15. Цехмистро И. З. Диалектика множественного и единого. Квантовые свойства мира как неделимого целого. М., «Мысль», 1972. 276 с.

В. Н. ФЕДОРОВ

О ПОНИМАНИИ КАТЕГОРИИ «ОБЪЕКТ»

Важнейшую методологическую роль в современном научном познании играют фундаментальные философские категории, в частности, категории «объект» и «субъект». Однако эти категории в настоящее время употребляются неоднозначно. Нередко их соотношение отождествляется с соотношением категорий «материя» — «сознание», т. е. объект понимается как фрагмент объективной реальности вне связи с субъектом (А. В. Востриков, В. И. Черкесов, З. А. Каменский и др.). Такую точку зрения разделяют и многие представители естественных наук. Но она представляется неоправданной, поскольку не учитывает активности субъекта, который в практике и познании является ведущей стороной [см.: 6, с. 7]. Получает все большее признание вторая точка зрения. Ее сторонники не отождествляют объект с объективной реальностью, а показывают соотносительность категории «объект» с категорией «субъект», которая с их точки зрения проявляется в том, что «объект — это не просто любой предмет природы, а предмет, включенный в сферу деятельности человека. «Он сам по себе как объективная реальность не существует независимо от сознания человека, а становится объектом, вступаая во взаимодействие с субъектом» [7, с. 68], и в качестве объекта определенным образом зависит от субъекта (С. Л. Рубинштейн, Н. В. Дученко, В. А. Лекторский, К. Н. Любугин, А. П. Шептулин, Ю. Ф. Бухалов, Г. С. Арефьева и др.). Из зарубежных марксистов эту точку зрения разделяют Г. Гиргинов, Л. Живкович и др. В целом, присоединяясь к ней, хотелось бы дополнить ее некоторыми соображениями¹.

Обычно зависимость объекта от практики понимается чисто внешним образом. Объект рассматривается как попавший через практику в поле зрения исследователя и раскрывающий в этой связи свою определенность, как изменяющийся в соответствии с объективной необходимостью, т. е. вместе со всей объективной действительностью, но отнюдь не как *изменяемый в процессе практической деятельности в соответствии с человеческими це-*

¹ Сразу оговоримся, что из всех видов объектов, которые выделяют, например, В. Лекторский в статье «Объект» («Философская энциклопедия».

лями. Иначе говоря, верное положение, что объект независим от сознания, абсолютизируется. Формой бытия субъекта является прежде всего практическая деятельность, а от нее объект зависит, в ее процессе формируется¹, в ее процессе преобразуется. На этот момент обратили внимание Ю. Ф. Бухалов и Л. Живкович.

Для уточнения статуса объекта представляется оправданным и целесообразным уточнение понятий «объективная реальность», «объективная действительность» и «объективный мир». Обычно они употребляются как однозначные для обозначения природы, внешнего по отношению к субъекту, противостоящего ему. Но, как представляется, каждое из них обладает своим специфическим содержанием, выявление которого может способствовать более глубокому пониманию сущности объекта.

Из диалектико-материалистического понимания материи следует, что материя — объективная реальность — есть всеобъемлющее, все включающее в себя, единственно сущее. Поэтому ее содержание неизменно, абсолютно, поскольку она включает в себя все свои возможные изменения, состояния, не только актуальные, но и потенциальные, в том числе и всю совокупность потенциальных результатов практической деятельности.

«Объективная действительность» — понятие относительное. Это — объективная реальность в ее актуальном конкретно-историческом состоянии, непрерывно изменяющемся. Объем этого понятия бесконечно уже, чем понятия «объективная реальность». Все принадлежащее к объективной действительности принадлежит также и к объективной реальности, но отнюдь не наоборот. Все потенциальные состояния, все нереализованные еще возможности не являются объективной действительностью. Последняя является лишь определенным состоянием из бесконечного множества состояний объективной реальности, так как одни состояния объективной реальности из потенциальных, возможных становятся актуальными, переходят в ранг действительных, другие — теряют свою актуальность, становятся не сущими, не действительными. Объективная действительность, таким образом — форма проявления объективной реальности.

Понятия «объективная реальность» и «объективная действительность» отражают материю в ее самости, вне ее связи с субъектом и его деятельности, практики. Объективная действительность, часть которой есть продукт практики, в этом смысле

т. 4, М., 1967), в дальнейшем речь пойдет только об объектах практической деятельности, эмпирических объектах, так как теоретические и т. п. объекты по сути являются не объектами, а определенными познавательными образами.

¹ Это не означает, разумеется, творения объекта в духе субъективного идеализма. «...Человек в процессе производства (практики.— В. Ф.) может действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы веществ» [1, с. 51—52].

вполне равноправна такой, которая сложилась стихийно, вне субъективной деятельности.

Всякой объективной действительности свойственна некоторая особая определенность, с которой связана и соответствующая совокупность возможностей. Вне человеческой деятельности, как правило, реализуется наиболее вероятная возможность, переходя, таким образом, в ранг объективной действительности. Субъект же оказывается способным, изменяя искусственно условия, сместить каким-либо образом иерархию вероятностей, изменить соотношение между необходимым и случайным, т. е. реализовать такое состояние, которое было чрезвычайно маловероятным в естественных условиях, а поскольку этот процесс смещения вероятностей осуществляется на каждом этапе практики, то становится объективной действительностью.

Понятие «объективный мир» обозначает объективную реальность, включенную так или иначе в человеческую практику, т. е. отражает общественно-историческое содержание. Объективный мир нетождествен объективной действительности, так как, с одной стороны, он уже по объему равен объективной действительности, которая является одной стороной, одним состоянием, но всей объективной реальности, а с другой стороны — он выходит за пределы объективной действительности, поскольку наряду с актуальными в него включены практически достигаемые потенциальные состояния, т. е. некая совокупность возможностей как естественных, так и таких, выбор которых зависит от субъекта, так как определяется практикой. Объективный мир — это совокупность объектов. *Объект, таким образом, является фрагментом объективного мира.* Содержание этого понятия по существу совпадает с тем, что К. Маркс характеризовал как «человеческий» мир, преобразованный в процессе практики, который является поэтому «действительностью человеческих сущностных сил», «опредмечиванием самого себя» [см.: 3, с. 589—595] «... именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как родовое существо. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству *природа оказывается его, человека, произведением и действительностью*» [3, с. 565—566]. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс пишут, что окружающий человека чувственный мир вовсе не есть некая непосредственно от века данная, всегда равная себе вещь, а что он есть продукт промышленности и общественного состояния, результат деятельности сменяющихся поколений, что как простейший предмет чувственной достоверности, так и цель и материал «чистого» естествознания даны человеку лишь благодаря чувственной деятельности, практике [см.: 2, с. 42—44].

В «Капитале» эти мысли получают дальнейшее развитие [см.: 1, с. 51—52, 191—195]. В этих марксистских положениях заложена основа для понимания социального, общественно-исто-

рического характера практики и познания, а значит, и социального, общественно-исторического характера объекта. Этому моменту в литературе не уделено еще должного внимания. Обычно считают, что объект развивается лишь вместе с объективной действительностью, и поэтому складывающееся понятие лишь все более полно воспроизводит фактически фрагмент объективной действительности. Но в изменении объективного мира существенным моментом является не его естественное формирование, а практическая деятельность человека, поэтому и объект изменяется прежде всего во взаимодействии с субъектом, а не просто как фрагмент объективной действительности. Сущность объекта зависит от той системы отношений, связей, в которую он включен. Но включен он, с одной стороны, в объективную действительность, с другой стороны — в практику, так как такое включение есть необходимое условие для превращения фрагмента объективной действительности в объект практической и познавательной деятельности. Система «субъект» — «объект» развивается гораздо более высокими темпами, чем объективная действительность, поэтому это взаимодействие и становится столь значащим в изменении объекта. Субъект изменяет условия существования объекта, фрагмент объективной действительности выделяется из совокупности связей и условий своего существования, ставится в искусственные, очеловеченные условия, реализующие определенную человеческую цель, т. е. приобретает некую искусственную социально-историческую определенность. Практическая деятельность овеществляется в объекте и в нем выступает в особой форме бытия, т. е. в качестве объекта в процессе практики, вне этого процесса он существует как фрагмент измененной субъектом части объективной действительности. Изменение объекта заключается, таким образом, во все большем его «очеловечивании», все более глубоком его познании, все более полном подчинении его человеческим целям; во все большей его способности удовлетворять человеческую потребность. Разумеется, актуальное состояние объекта не всегда способно удовлетворять человеческую потребность. «... Мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» [5, с. 195], т. е. актуализировать определенное потенциальное состояние объекта. Поэтому власть субъекта над объектом и заключается в знании все большего числа его потенциальных состояний и умении актуализировать из них такие, которые способны удовлетворять общественную потребность. Развитие объекта заключается в том, в какой степени субъекту удалось разбудить «дремлющие стихийные силы природы» (К. Маркс), в какой степени объект из цели превратился в средство, орудие власти человека над природой. В этом и заключается социальная, общественно-историческая сущность объекта. Таким образом, объект практической и познавательной деятельности не тождественен фрагменту объективной реальности,

так как, находясь в его рамках, не исчерпывает его в силу исторической ограниченности практики, а следовательно, и базирующегося на ней познания. Объект не сводим и к фрагменту объективной действительности как естественной, так и очеловеченной. Первой потому, что он изменяется не только по объективной, но и по субъективной необходимости, по законам практики. Второй потому, что наряду с актуальным состоянием воздействию подвергаются и определенные потенциальные состояния, ибо измененная определенность обладает и измененной иерархией возможностей, а объект включает в себя не только собственную действительность, но и известную совокупность объективных возможностей, уже достигаемых практикой.

Практическая активность субъекта отделяет преобразуемую, «творимую» практикой объективную действительность в ее субъективированной определенности от ее естественной определенности, но в процессе этого она направлена на все более полное исчерпание совокупности определенностей объективной реальности. Поэтому знание, которое отражает процесс преобразования объективного мира, а не объективную действительность саму по себе, все вернее, полнее и глубже отражает объективную реальность, противостоящую субъекту в виде объективного мира.

Представляется, что предлагаемые соображения дают возможность более глубоко исследовать социальный, общественно-исторический характер процесса познания, активность субъекта, соотношение отражения и творчества и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Капитал. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. 784 с.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3, с. 7—544.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. — Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. 593 с.
4. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч. Т. 18, с. 7—384.
5. Ленин В. И. Философские тетради. — Полн. собр. соч. Т. 29. 620 с.
6. Бухалов Ю. Ф. О соотношении практики и познания. Автореф. дис. на соискание уч. степени д-ра филос. наук. Х., 1972. 28 с.
7. Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию. К., «Наук. думка», 1966. 288 с.
8. Лекторский В. А. Объект. — Философская энциклопедия. Т. 4. М., 1967. 591 с.

УИБ-14

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бондаренко Л. И., Култаева М. Д.</i> К анализу методологических основ немецкой культурной антропологии	3
<i>Братко Н. Н. Г. В. Плеханов</i> о социологических теориях французских историков эпохи Реставрации как теоретическом источнике исторического материализма	11
<i>Гаврилюк Ю. Н.</i> К вопросу об источнике и роли чувственного опыта в теории познания Рене Декарта	18
<i>Иванищенко А. А., Ницевич И. Г.</i> Знак как общественная форма знания	24
<i>Ковалев А. М.</i> Принцип наблюдаемости и феноменологические теории в физике	32
<i>Ковалева В. А.</i> Об историко-философском аспекте разработки теории материалистической диалектики	37
<i>Корогодова Е. П.</i> Методологическая несостоятельность идеи «оправдания добра» Владимира Соловьева	46
<i>Мамалуй А. А., Левчук В. Г.</i> Молодой Маркс и Гегель в их отношении к политической экономии	53
<i>Нестеренко А. Д.</i> Методологический анализ природы убеждений	63
<i>Подмазко Е. А.</i> О структуре социальной ответственности	67
<i>Пугач Б. Я.</i> Принцип наблюдаемости в понимании Маха и Эйнштейна	70
<i>Раилко А. Н.</i> Поль Лафарг о диалектике научного познания	76
<i>Старовойт В. С.</i> О конкретно-историческом подходе к исследованию взаимосвязи между наукой и искусством	81
<i>Тягло А. В., Цехлистро И. З.</i> К проблеме целостности в квантовой теории	87
<i>Федоров В. Н.</i> О понимании категории «объект»	93

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 166

Философия

Выпуск 12

Редактор *А. Ф. Балабуха*

Художественный редактор *А. С. Романова*

Технический редактор *Г. П. Александрава*

Корректоры *Л. А. Федоренко, Л. П. Пипенко*

Информ. бланк № 3725.

Сдано в набор 30.09.77. Подписано в печать 22.03.78.

БЦ 09141. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типогр. № 3.

Лит. гарн. Вис. печать. 6 усл. печ. л. 7,2 уч.-изд. л.

Тираж 1000. Изд. № 674. Заказ 2155. Цена 1 р.

Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа».

310003, Харьков-3, Университетская, 16.

Харьковская городская типография № 16 Областного управления по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 310003, Харьков-3, Университетская, 16.